

Ветер моих фантазий



Елена Свительская

16+

Елена Юрьевна Свительская

Ветер моих фантазий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63352672

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-99899-5

Аннотация

Когда-то Саша увидела подростка, рисующего мост между мирами. С тех пор фантастику пишет. И ищет того художника, чьё лицо не успела рассмотреть, а имя ей неизвестно. Говорит, что любит его. Когда Саша начала книгу о давно погибшей цивилизации, о двух названных братьях, один из которых – сын учёных, а другой – жертва учёных и раб первого, то внезапно встретила молодых японца и корейца, обожающих рисовать. Только... они рисуют сцены из пока не опубликованного её романа. И Саша запоздало понимает, что сцены из её книги начинают случаться наяву...

Содержание

Глава 1	8
«Последний влюблённый» – отрывок 1	11
И снова тихие будни	27
«Последний влюблённый» – отрывок 2	41
И снова тихие будни	59
Инъэй-но Кэйдзи («Откровения Тени») – 1	67
Глава 2	75
«Последний влюблённый» – отрывок 3	77
И снова тихие будни	83
«Последний влюблённый» – отрывок 4	86
И снова тихие будни	90
«Последний влюблённый» – отрывок 5	95
И снова тихие будни	113
«Последний влюблённый» – отрывок 6	117
Инъэй-но Кэйдзи («Откровения Тени») – 2	118
Глава 3	124
«Последний влюблённый» – отрывок 7	133
И снова тихие будни	164
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Елена Свительская

Ветер моих фантазий

Для меня рассказывать истории – как дышать. Мои сюжеты, мои герои нужны мне как воздух. Я не могу уснуть, когда дует ветер моих фантазий. Он приходит, освежает мне лицо, холодит своим дыханием, мешая уснуть. Он поднимает меня в небо, если я решусь и на этот раз довериться его порыву и, распахнув ему душу, и протянув к нему руки, позволю себе в него упасть. Я упаду в объятия ветра моих фантазий... я смогу летать! Я – обычный человек, но когда меня настигает он, я чувствую, будто у меня отрастают крылья – и я могу летать... когда я снова смогу подняться в небо и оторваться от этой скучной реальности...

О, это миг блаженства! Как я жду эти мгновения! И как я ненавижу, когда они мешают мне уснуть, когда отрывают меня от моих близких! Какую часть моей жизни я провожу в полётах в танце с неведомым? О, это большая часть моей жизни! Но... это... это вся моя жизнь! Этот танец с ветром моих фантазий – это моя жизнь.



Иногда я проклинаяю её и тот день, когда впервые начала писать, потому что я уже не могу отказаться от этого сладкого и такого горького яда. Это мой наркотик. Моя душа у него в плену. Это сладкий плен. Иногда я думаю, что я рада, что туда попала. Это блаженство. Это настоящее блаженство. Самое сильное блаженство, которое было в моей жизни – танец в освежающей жизни струе ветра моих фантазий, танец в его объятиях. Но... я рада, когда я танцую. Я рада...
Ветер моих фантазий...
Я, кажется, повторяюсь? Пусть!

Распахни мне свои объятия, ветер моих фантазий! Ты – моя мечта. Ты – мои дневные и утренние грёзы. Ты – моя любовь. Ты – моя мечта. А другая любовь... она ли бывает?..

Ветер моих фантазий...

Я вижу сны наяву в твоих объятиях...

Я танцую в твоих объятиях...

Я снова танцую...

Я...

В моём мире – я обычный человек. Обычная женщина. Молодая.

Но...

Я богиня множества миров! У меня есть много моих миров! Я незримо крадусь по разным тропам, я вижу множество судеб. Они так ярко или едва приметно проносятся перед моим внутренним взором, эти лица... чьи-то лица! Чьи?.. Мне интересно! Я... я прокрадусь за ними и подсмотрю. Чьи? Чьи это лица? Какой судьбы пленники? Или они сотворяют их сами, сотворяют сами свои судьбы?..

Мир, где я не никто. Мой мир. Мои миры. Бесчисленное число миров... это мои миры...

Это мой лёгкий и тёплый, такой нежный и обжигающий уютom душу плед моих миров и моих фантазий. Когда мне скучно, когда мне грустно или так больно, что я снова умираю, я отчаянно протягиваю к вам руки, мои грёзы, мои мечты, мои миры!

Ветер моих грёз... Я сейчас танцую в твоих объятиях... я

чувствую себя свободной и счастливой... такой свободной...

Глава 1

– Саша, тебе не стыдно? – прорвался резкий женский голос сквозь толщу тумана.

Я, кружившаяся на льдах у Асварилла, в длинном платье, в танце с белоснежной чайкой, недоумённо замерла. Это был полёт! Только, что это был полёт! Где он, этот, блестящий нежно-розовыми, голубыми, жёлтыми и тускло-фиалковыми отблесками, лёд? Где моя чайка, мой верный и нежный друг на протяжении уже семи лет? Или... больше? Меньше...

– Столько свет жгёшь! Столько уже нагорело! Сплошные расходы!

Атлантида исчезла. Я осталась в тёмной комнате, согнувшаяся перед ноутбуком, в объятиях света от небольшого круга, сотворённого лампой.

Блин! Ну как так! Как так?! Я же даже свет в люстре не использую в своей комнате, стараюсь печатать медленнее. Ну, как медленнее? Пока себя контролирую. И меня всё равно засекали?! У... блин! Семь тысяч блинов! Рабства сейчас нет! Даже крепостное право отменили! Так почему я не могу делать всё, что хочу?!

Блин, ноги затекли... и глаза дерёт так нещадно... завтра

тест по истории.

Ой, блин! Тест?! Я совсем забыла. У-у... семь тысяч блинов! Десять тысяч блинов! Двести тысяч...

– Сашуль, иди спать уже! – папа легонько постучал с той стороны двери. Запертой. Хорошо хоть не ломился. И на том спасибо: хоть какое-то уважение к моей личной территории и моему праву на мою собственную жизнь и возможность тратить её по своему разумению. – Для здоровья надо спать по ночам!

– Да я... – протёрла переносицу: глаза драло нещадно. – Да я ещё немного посижу... ещё полчаса...

– Саш, уже шесть утра! Тебе через полтора часа уже вставать!

Э?..

Скосила взгляд на правый нижний угол экрана.

И... и почему время опять пролетело так незаметно?! Оно тает так внезапно, стоит мне только сесть за клавиатуру или дотянуться до моего блокнота из потаённого кармана рюкзака. Кстати, мой рюкзак... куда я его сунула? Надо тетради собрать, пока не забыла. А, и шпоры... Лерка мне одолжила свои. Лерка... моя прелесть! Чтобы я без тебя делала! Вылетела бы, наверное, из вуза как пробка из...

Глаза дерёт. Жутко. Надо сгрызть морковку, вроде купили вчера... а нет, на прошлой неделе это было.

Голова, существование которой наконец-то заметили, отчаянно тупила, а тело жаждало просто где-нибудь упасть,

хоть где... и отдаться в объятия сна...

Держись, Александра! Если сумку не соберёшь сейчас, то с утра, когда опять запиликает этот проклятый будильник и на тебя снизойдёт творческое похмелье, ты уже не вспомнишь ничего. Держись. Вперёд!

Недоумённо прошла по комнате. Пришлось даже свет включить.

Рюкзака не было. Нигде.

Минут через двадцать я вспомнила, что его, кстати, давно уже нет, порвался, зараза. И я теперь хожу на лекции с сумкой. Точнее, бегаю. Вот, завтра, наверное, опять опоздаю, потому что с трудом буду просыпаться...

Держись, Александра! Сумку надо собрать!

Минут через шесть сумка была собрана. Я устало присела. Взгляд притянулся к монитору с моим текстом. Ах, да, там ещё одна деталь нужна, маленькая, но интересная, пока не забыла надо добавить...

«Последний влюблённый» – отрывок 1

Девушка кружилась по льду, развевались её волосы да полы её одежды, длинные рукава. Парила чайка над разноцветным льдом. Восходящее солнце подсвечивало стены домов-кристаллов, ласкало бледные лица и разноцветные волосы первых прохожих...

– Как красиво! – выдохнул кто-то с моста.

Мужской голос, молодой.

– Да нет, скукота! – возмутился женский голос.

Тихое утро распускалось над городом, светлело небо, да необыкновенными цветами загорались стены домов разной высоты и разных форм...

А где-то в космосе, на планете, медленно скользящей у края их галактики, грянул мощный взрыв, когда с её скалистой поверхностью соприкоснулись два сплетённых луча, синий и голубой. И, чуть погодя, следом за ними лёг толстый искрящийся красный, поднимая в воздух и разрывая в мелкие куски огромный пласт.

Четверо мужчин едва сумели отпрыгнуть и притаиться за небольшой скалой. Серьёзные лица измазаны в гари и кро-

ви, алой и ядовито-жёлтой, длинные, чёрные волосы с синим отливом, сплетённые в тугие косы, покрыты каменной крошкой. Рубашки с длинными полами, одетые поверх узких штанов, почти уже изодрались, штаны тоже, зияют прорезы в высоких сапогах. Одежда вся изгажена в своей крови, чужой, гари, да прочей дряни. Разве что металлические пояса, из причудливо сплетённых металлических бляшек разных форм и металлов, по-прежнему чистые и блестят.

Один шевельнулся, показывая пальцами короткий, тайный знак.

Другой качнул головой, одной рукой касаясь широкого узорчатого браслета на другой руке, а той, дрожащей и израненной, вцепляясь в пояс.

Небольшой летательный диск противников спустился пониже, мгновенно, притаился за скалой.

Самый молодой из четвёрки чуть сдвинул руку, указывая за скалу.

Мужчина с седыми прядями сердито куснул губу.

Яркая вспышка глянула откуда-то из камней, изнутри. Вспыхнул вражеский корабль – и сгорел в одно мгновение, даже без дыма.

Камни близ скалы шевельнулись, приподнялись...

И мелкие камешки соскользнули с одежды, по цвету и фактуре сильно напоминающей поверхность планеты. А в миг следующий она уже сменила окрас, да вышивка проступила, воинов.

– Хирсанитаримсссс! Шшиссс! – прошипел молодой мужчина, грозя рукой кому-то в небе.

Видимо, учёл, что камеры наблюдения врагов могут доставать далеко, а значит, их услышат.

Один из прячущихся недоумённо посмотрел на напарников. Губы начавшего стареть шевельнулись, мол, говорит ихним, что это – наш край космоса, и другие чтобы не смели даже приближаться к нашей территории.

Тот, спросивший, поморщился.

А откуда-то сверху на самозваного посла обрушился ливень из лучей. Седеющий вовремя сшиб верхушку скалы, за которой они прятались – подловил момент, когда рядом с горой проходил луч вражеского оружия и скала как будто из-за него и обвалилась. Да, прижмёт его воинов, но зато и прикроет. Глаз там, видимо, множество глядят в приборы дальнего видения. Нечего лезть.

А дерзнувший хамить целой армии противника ловко уклонялся от залпов их оружия, пройдясь по жутко извилистой траектории, да с немислимым каскадом акробатических трюков и вывертов.

Причём, танцевал он между смертельных лучей очень долго. Большинство бы выдохлись и сдохли, подвернувшись-таки под вражеский удар, но ему всё было ни почём. Да, одежду его, прежде девственно целую, изрешетили, где к телу не прилежала. А прежде даже ни единого камешка, ни единой бусины не сбили с его верхней вышитой рубашки

особо ретивые из стрелков противников, иногда забавлявшихся этой дурью, за ради устрашения противников, да чтоб между собой побахвалиться в меткости и безукоризненной тщательности прицела. Но длинные чёрные волосы с синим отливом, лишь с краю заплетённые в тонкие косы, чтобы в глаза не лезли, развевались вслед за наглцом не тронутые.

Чуть погодя, толстые, разбивающие горную поверхность далеко вглубь, лучи сменились тонкими и куда менее вредными – из врагов кто-то опять вздумал поиграть.

Но молодой мужчина ловко уходил от всех их выстрелов – и его густых, длинных волос чужие стрелки ни разу не подпалили.

– Что за хрень?! – не выдержал один из четвёрки, подсматривающий в щёлку из-под обвала.

Сидеть или валяться под толщей камней было тяжело: даже одежда и бережное сооружение не полностью справлялись с давлением, а тот юный безумец, похоже, не только не пытался отчаянно спасти свою жизнь, но ещё имел наглость ловить удовольствие от процесса доведения вражеских стрелков.

Напарник зажал ему рот.

«Человек он или кто?..» – прозвучало по тайному каналу.

«Заткнись, а то они могут подслушивать нашу линию» – проворчал мысленно командир.

«Блин, да сколько же генов у него усиленных?! – не унимался его воин. – Или то особый вид имплантатов?..»

«Даже я вас слышу. Заткнитесь уже» – вдруг раздался в

их головах незнакомый голос. Мужской. Молодой.

Вроде угроз не прозвучало вслед. Так что же... этот безумец?..

А тот изящно скользил между лучей...

Вдруг стало тихо-тихо. Даже звёзды над безжизненной планетой как будто поблели. И враги больше не палили.

Молодой воин напряжённо застыл, оглядываясь. Потом отчаянно шарахнулся в сторону. Огненная волна, пришедшая не сверху, а по поверхности планеты, откуда-то из-за обломков, скользящая бесшумно и извиваясь, будто змея, подпрыгнула вверх и подпалила ему полы рубашки.

«Сгорит же! – снова забыл обо всех предупреждениях болтливый воин. – Живьём сгорит!»

«Да сомневаюсссс» – прозвучал у четвёрки в головах чужой и свистяще-шипящий голос, так, что они все вздрогнули.

А дерзкий боец резко преобразовал ногти в длинные металлические лезвия, да успел срубить подол рубашки, прежде, чем ткань догорела до его штанов на заднице.

Придурок почему-то застыл, зажмурившись. Из-за убежища других бойцов к нему, извиваясь, поползла новая огненная полоса, только чуть краснее цветом было хитрое пламя...

Мужчина вдруг подпрыгнул, глаз не открывая, руки в сторону раскинув... высоко взлетел, изогнулось петлёй крепкое тело, не шибко мускулистое...

Уже оказавшись параллельно земле, на миг, он открыл глаза – и из них вверх, да причудливо по сторонам расплзаясь, поползли голубоватые, узкие лучи, а за ними по воздуху расходились водяные кольца.

Миг – и факелами запылали вражеские тарелки над ними – два или три десятка. Некоторые выжидали рядом друг с другом, так что всех сразу и не посчитаешь. Да и не шибко удобно пересчитывать поверженных врагов из-под огромной груды камней. Щелей не хватит, шевелиться неудобно.

«Вот досада! На самом интересном месте притаились!»

«Но кто-то же должен выйти живой» – уныло прокомментировал командир.

Воин приземлился, мрачно взглянул вверх. Изящно, даже играючи, ускользнул от одиночного, толстого, бордово-алого луча, пришедшего откуда-то издалека.

Кулаком небу – почти чистому уже, хотя бы вблизи – погрозил, исторгая на языке чужой цивилизации:

– Хирсанитаримссссс! Шшисссс! Аньиссс!

И снова протанцевал, по необъяснимой какой-то траектории – так сразу и не просчитаешь алгоритм, не узнаешь логику его движений. Но... красиво.

Издалека чуть просыпались камни с уцелевшего основания скалы. И от неё отделилась девушка, рыжеволосая, прежде сливавшаяся с её поверхностью. Вытянулась, пытается разглядеть отсюда лицо того дерзкого парня, осмелившегося состязаться с лучшими стрелками противников.

И с отчаянным воплем с обломками скалы и ближайшей каменистой поверхности взмыла в воздух – останки скалы мелкой крошкой развеял неожиданный удар – так как кто-то из противников остался.

Она приземлилась, упав с большой высоты. Сильно приложилась о твёрдую поверхность. Вместе с оставшимися скальными клочками. Села, застонав. Лицо изодрано, да в щели меж камней застрял большой клоч длинных, рыжих волос.

«Женщина?!» – не выдержал уже командир четвёрки.

А одинокий воин выпустил мощный заряд, почти неразличимый, беззвучный, по едва не сгубившему её кораблю. Тот, впрочем, успел уклониться. Хотя и толстый был, масштабный. Явно не из боевых. Не из первого ряда. Но тех вроде уже расстреляли.

«Обмельчалисссс мужикиссс вашшшши! – опять влез в их тайный и вроде бы невозможный для слежки тех врагов канал чужой голос. – Совсссем обмельчалисссс! Выпусскаете в бои баб!»

«Узнаю, какой придурок выпустил на границу девку – убыю!»

«А уссспеешшшьсс?» – голос самца иной цивилизации звучал ровно, но по смыслу видна была издёвка. Может, ржёт он там над ними. Если те гады умеют смеяться. Но точно издевается.

Командир людей проворчал, мысленно:

«И прибыю ту заразу, которая говорила, что у вас нету этой технологии»

«Тю! Мечтай большшшшшсс!»

Но, впрочем, уворачиваясь от лучей, выходящих из ладоней одиночки, толстый масштабный корабль торопливо пополз подальше, виляя туда-сюда в надежде уклониться.

Девушка поднялась, шатаясь. И тут же упала на колени. Ярко горели камни с её пояса, включая и ускоряя процесс регенерации, обращаясь к своим внутренним или к наружным резервам энергии, но кровь по её лицу всё ещё стекала.

«Барахлит техника» – вздохнул начавший сидеть мужчина.

«Тю! Приророждённых бабсс выпускают против нассс! А ещё грозятссся!»

Командир людей запоздало вспомнил, чего там это «Тю!» означает на лексиконе противника – и побагровел от гнева под камнями. Впрочем, не вылез. Не хватает ещё поддаться на такие гнусные провокации, как юнцу. Тем более, что одного придурка там итак уже хватает. Развлекается парень. Ну да ничего. Пристрелят – и кровь последующих поколений будет здоровей и чище.

Одиночка вдруг исчез.

Рассыпался в воздухе, а куда частички его делись – неясно.

«Пристрелили» – уныло прокомментировал один из наблюдателей.

Командир удержался, чтоб смолчать о своей догадке: не пришибли, а телепортировался.

Но тот возник уже в другом месте каменной планеты, на горе. Чтобы мощным залпом засветить дыру в борту толстого медленного корабля самих болтливых вражеских воинов.

Шипя и извиваясь, обливая пилотный отсек ядовито-жёлтой кровью, змееобразное существо свалилось на пол. Удар противника не только прошиб обшивку и особое вещество их иллюминаторов – доселе казавшееся им непробиваемым, по крайней мере, не технологиями этих людишек точно – но и испепелил кресло пилота.

Разборки, кто круче стреляет, пришлось отложить. И так уже ясно, что одна зараза другой стоит. Зараза на заразу – это любимое развлечение самцов из разных цивилизаций, но, к несчастью, ежели не сохранить свою шкуру – оно уже не светит. Да и проклятое слово «работа», помноженное на «начальство»...

Но юный воин иной цивилизации всё же надеялся, что не только ему руководство по голове настучит за самонадеянность. И, для достоверности, чтоб подгадить, успел дошипеть завершающую фразу в чужой канал связи, ещё недавно считавшийся тайным и уникальным плодом научной деятельности вражеской цивилизации:

«Проссследили бы вы за аини того кианинасссс!» – и выпал – и из чужой линии, и из сознания.

Толстый корабль дальше спасался на автопилоте. Но, на

счастье последнего из выживших кораблей, самый меткий из воинов противника сейчас отвлётся, добегая до раненной самки своего народа.

«Кианин бы не стал с вами играть!» – ошалел от такой клеветы командир четвёрки.

Но ответа не дождался. Хотя вроде язва с того конца была ещё та. И мужчина улыбнулся под камнями: пристрелили гада.

Его болтливый напарник выскользнул из-под камней – то ли бабье состояние проверять, то ли словом обмолвиться с незнакомым им ловким и смелым одиночкой. Вроде была их одежда на нём, человечья, с родной планеты даже, но по вышивке на форме так сразу и не поймёшь из чьего отряда.

Командир предпочёл отлежаться, изображая сдохнувшего или раненного. Да и тот, юнец болтливый его уже доконал за весь их поход. Ежели и застрелят – и ладно.

Но пожилой мужчина ещё долго не мог выровнять дыхание и унять сердцебиение.

«То ли плох стал, – уныло думал он, уже без телепатической связи, сам с собою общаясь, – то ли вывел меня из себя тот гад хвостатый. Да чтобы кианин – и лез в такую заваруху?! Чтобы так над врагами потешался, да им хамил? Люди могут. Молодые дурни. Но чтобы уравновешенный кианин...»

Вздохнул измученно.

«Но ежели прав тот гад, то аини у этого кианина должен

быть каким-то бешеным. Вообще на голову больным, чтоб своему хианриа такое позволять! Нет... и аини бы безрас-судного выперли, подвергнув всеобщему осуждению, и его хианриа, плюющего на устав. Разве что в другом отряде тай-но выступил сын кого-то из Совета, а его придурошный ро-дитель его глупости раз за разом прикрывал. Вот и взрас-тил такое чудо с детства. Но, ежели тот смельчак-одиночка – чей-то хианриа, то его аини с такой дурьей башкой долго на войне не продержится. Пристрелят заразу когда-нибудь. Когда-нибудь точно пристрелят. И ладно»

А тот, дерзкий, молодой, человеческий воин до девушки добрался. Жестом велел ей замолчать, осматривая раны.

Она всё-таки не смолчала, спрашивала, кто он, да из како-го отряда. А кровь лилась из тела, не спешившего заживать.

– Приророждённая, – отметил наконец мужчина сухо.

– И что? – спросила та с вызовом, руки в бока упирая. – Да я знаешь сколько испытаний прошла, чтобы меня в этот поход пустили?!

Он, напряжённо оглядевшись, вдруг подхватил её, пере-кинул через плечо, придерживая за ноги. И, скользя, по необъяснимой траектории, направился к укрытию.

Девка визжала, хамила и пыталась его бить, но лицо муж-чины оставалось непроницаемым. Потом она его, извернув-шись, коленкой по груди пнула, благо ноги её торчали спе-реди. Он рукой её ногу прижал, сдавил больно – и она на несколько мгновений заткнулась, то ли поняв, что шутить с

нею не будут, то ли выдумывая новую боевую стратегию. А он невольно рукою грудь свою задел. Напряжённо застыла рука. Провёл снова по рубашке, ощупывая, ногу её задевая.

– Эй, не смей меня лапать! – живо среагировала баба, приняв его жест исключительно за интерес к её ногам, обтянутым в плотные широкие штаны. – Я ещё лечь тебя не звала!

– Я и не хотел, – отрезал мужчина.

Вдруг сбросил её с себя на горную поверхность – она спиной приложилась и штаны ободрала на заднице. И, быстро оглядевшись, рванулся куда-то назад. К тому месту, где её подобрал. Потом к тому, где ему полу одежду подпалили. Внимательно вглядывался, ища что-то потерявшееся. Хотя и по сторонам и наверх смотреть не забывал. Да неровно двигался.

«Так сразу и не пришибёшь. Просто так не пристрелишь» – одобрительно подумал командир, внимательно подглядывающий за ним.

Хотя вроде тот парень шибко встревожился из-за потери. Но и про врагов не забывал. Парень... да, молодое лицо, сколько веков и не скажешь, но... а стал бы старый воин вот так лезть, сломя голову, да под вражеский прицел?.. Этой дурью разве что молодые страдают. Но, к счастью, глупые долго не живут.

Всхлипнув, обзывая хамского помощника и так, и эдак, и на нашем языке, и даже на языках двух иных цивилизаций, воительница-неудачница поднялась. Вытянулся вы-

скользнувший из-под спасительных обломков воин, да чуть выполз оставшийся там его напарник. Но напрасно мужики вглядывались в штаны ободранные. Из-под верхних, под цвет поверхности, выглядывали другие штаны, бугристые и никак не в обтяжку.

«Что за день! – отчаянно подумал болтливый. – Никакого развлечения! Хотя...»

Одиночка, из непонятно какого отряда сюда добравшийся, вдруг присел, потянулся рукой. Вскочил, отступая, делая несколько резких движений. А когда на миг замедлился, то люди заметили, что в руке его на цепочке болтается тонкий, плоский камень неровной формы, бордовый, почти прозрачный, с вкраплениями иного вещества, напоминавшего тонкие прядки золотистых волос. Залитый по краям в оправу из пёстрого металла, местами тёмного, местами светлого, серебристого.

Сдвинулся быстро. Ещё сдвинулся. Девка вглядывалась в подвеску, забыв обо всём. Даже пропустила миг, когда к ней подобрался воин другого отряда, да, приобняв, потянул к себе.

– Живущая! – сказал бодро.

И запоздало получил по уху, сердито отпрянул.

– Э, ты чё?!

– Я с тобою лечь не обещала, – прошипела воительница, смотря на него, прищурив глаза. Светлые, редкого оттенка.

А она, отступив, покосилась на того, танцора и наглеца,

что чуть замедлился на несколько мгновений, одевая странную подвеску на голову, да заправляя в ворот, скрывая снова от глаз чужих. Пальцами прищёлкнул по разошедшемуся звену, металл заплавляя вдруг раскалившимся ногтем, вновь ставшим полоской металла. И вроде не глядел, но ни волос не поджёг, ни шею ни ошпарил.

А эта неудачница, напряжённо застывшая, снова вглядываясь в это нелепое украшение, вдруг радостно вскрикнула и бросилась ему навстречу, как-то вдруг забыв и о ссадинах, и о спине зашибленной, и о штанах дырявых и даже о войне.

Мужчина замер недоумённо, но на миг правда, надо ему должное отдать и его реакции. И рванулся в сторону.

Но девка, вдруг скорость развившая в разы больше, чем когда драпала от залпов противника, живо преодолела расстояние между них, да повисла на нём, обвивая руками его шею.

– Кри! – радостно выдохнула она. – Как я рада снова тебя увидеть, Кри!

– Нам не обломится, – уныло прокомментировал самый болтливый из воинов, трезво оценивший всю степень бабьего восторга, направленного в сторону безбашенного хама.

А тот, кого она назвала коротким именем, домашним, сухо её от себя отцепил, держа на вытянутых руках, сурово и цепко сжимая её плечи. Она замерла, потерянная.

– Ты... не рад меня видеть? – спросила тихо и потерянно. – Даже спустя столько времени?

– Зачем приророждённая полезла на границу? – спросил мужчина сухо, внимательно глядя ей в глаза.

– Да просто... – девушка смущённо потупилась, подковыривая какой-то почти отколовшийся обломок горной поверхности под ногами.

Потом вдруг вздрогнула, да подняла на него глаза, заполняющиеся счастьем:

– А ты до сих пор его не выкинул! Значит, ты запомнил меня! Хотел ещё когда-нибудь меня увидеть!

– Ты из чьего отряда? – спросил он бесцветным голосом – и ничего в его лице от взгляда глаз её тёплых и сияющих не изменилось.

– Ранани 785.

– Ваш отряд разбит, – заметил он спокойно, будто они обсуждали, ждать ли завтра в их родных краях дождя над лесом или не ждать. – Ты тогда пойдёшь с ними, – да подтолкнул её в направлении тех четырёх, уже всех осмелившихся выбраться.

– Но я хочу с тобой! – возмутилась она.

Вдруг рассыпалась молекулами – лёгкая дымка, заметная – и появилась уже сбоку, обвила его руками.

– Не гони меня! Мы так давно не виделись!

– Мы друг другу никто, – отрезал мужчина ледяным голосом.

Девушка тяжело вздохнула. И грустно призналась:

– Может, я тебе никто, но я считала тебя моим другом. И

сейчас готова так тебя называть.

– Разве было между нами что-то? – спросил он уже недоумённо. – Разве мы вместе прошли сквозь какие-нибудь большие трудности? Зачем ты стремишься ко мне?

– А разве нужна причина? – она отлепилась, отступила на шаг, чтобы заглянуть ему в глаза.

Спокойные глаза, а лицо невозмутимое.

Девушка вздохнула.

– И что... ты так просто уйдёшь?

– А разве меня что-то удерживает? – он всё-таки улыбнулся, хотя улыбка его смотрелась как-то странно.

И снова тихие будни

– Саааша!!!

Мама поймала меня ещё на том моменте, когда я любовно обводила завитушками надпись в блокноте:

«Перестрелка на границе галактики».

Это был чудесный день! Да, глаза как будто насквозь песком просыпали, тело было вялое и двигалась как зомби, но... о, этот отрывок! Эта шикарная импровизация! Какое счастье, что у меня был такой порыв, да ещё в то время, когда я могла его спокойно записать! Из него выйдет такая аппетитная повесть! Фантастика, хм... или фэнтези?..

– Сааааша!!! – прогремел за дверью сердитый голос.

– Минуточку, тут такой сюжет пришёл...

– Саша, десять утра уже! Мне скоро на работу! Завтрак в шестой раз греть не буду!

Завтрак?..

Задумчиво погладила живот. Тот, обнаружив, что сознание ненадолго вернулось и, о редкость, снова обращено на собственное тело, отчаянно заныл, в последней угасающей надежде дожить до долгожданного вкушения пищи.

Ой, а жрать-то как хочется!

– У тебя сегодня ко второй паре? Или к третьей? – продолжали шуметь за дверью.

– Э... – задумчиво взлохматила волосы. – К первой, ка-

жись.

– Саааашааа!!!

Ой... а и в правду, к первой.

Мама вскрикнула, отшатываясь, когда дверь неожиданно распахнулась.

– Я только бутерброд перехвачу.

– Что, сумку уже собрала?

– Ага! – кидаюсь в ванную, оттуда к заветному столу с заманчивой едой.

И, хм, каша, судя по лёгкому пару над ней, ещё была тёп-лая. Просо с тыквой. Моя любимая... мм...

– Вот так-то лучше, – сурово заметила маман, видя, как я склонилась над столом, торопливо зачерпывая каши с тарелки и с жадностью пихая её в рот, предусмотрительно распахнувшийся – кажется, там желудок и рот сговорились, чтобы не помереть с голоду. – Но лучше бы ты ела сидя!

– Что ты всё время цепляешься?

Там мне ещё виделись выстрелы на безжизненной, тёмной, каменной планете, да кипел в крови то ли азарт борьбы, то ли адреналин: я знала, что та приграничная схватка между технически развитой цивилизацией людей и ящероподобными существами Иных – это их не первое и не последнее столкновение, которое унесёт множество жизней. Да и та рыжеволосая девушка, которая внезапно оказалась на войне... как она там оказалась?.. Я пока этого ещё не видела. Из смутно осязаемых картин, пришедших ночью и заго-

ревшихся где-то внутри меня, силуэт новой повести был ещё слишком смутным, чтобы я могла многое понять и узнать про героев той вселенной и истории.

Сердце замерло на сколько-то секунд или долей секунды, сбиваясь с привычного ритма.

Той вселенной?.. Почему у меня такое странное чувство, будто слова из нового рассказа или романа мне уже смутно знакомы?..

Жестокие нежные руки усадили меня в свободный стул и слегка приложили по лбу чистой ложкой, которую тут же всучили мне в правую руку.

– У меня такое ощущение, что если тебя не трясти, ты помрёшь от голода или изнурения, ни есть, ни спать не будешь...

– Мам, я не совсем маразная. Сама смогу приготовить себе пожрать и поесть!

Лоб кончиками пальцев руки левой подпёрла, ложкой в правой столешницу поскребла, сбивая вязанную скатерть бабушкину.

Такое чувство, словно слой реальности напрягся и съёжился, открывая под собою совершенно иной пласт вселенной. Вот как под изгибами свежего, ровного, жёлто-белого кружева притаилась темная гладь старинной столешницы...

Что ж там за слово знакомое было? Слова?..

– Ну, что за шум с утра? – в кухню забрёл дедушка, потянулся, отложил свои гантели на подоконник.

– Это наказание... – мама с непередаваемым укором взглянула на меня. – Саша, сядь нормально! Поешь уже как все нормальные люди!

Нормальные люди? Ну, это мне уже не светит.

Хотя живот жрать просил, как и у всех нормальных людей после бурной, трудовой, голодной ночи. Ладно, перекусим и разберёмся, в каких из черновиков у меня уже могла быть использована та же вселенная, термины или герои.

Подхватив со стола уже начищенные чесночные зубчики, ровными слоями их нарезала и уложила на мягкую постель из тёмного ржаного хлеба.

Возможно, если новые грани истории и герои будут серьёзно меня преследовать, я опять перекочую из фэнтезийных миров в хладный мир научной фантастики? Хотя... там рыжая девушка... там скорее уж ромфант вырисовывается, а то уж больно парень-воин бравый, да уж больно страстно она к нему стремится!

– Снова ночью общалась с музами? – дружелюбно заметил дед.

– Аха! – радостно доложила между ложкой каши и бутербродом с яичницей и чесноком, точнее, яичницей над хлебом и чесноком.

Тёплой, кстати... ммм... обожаю вкус чёрного хлеба, смешивающегося под градом моих зубов с чесноком и яичницей, особенно, когда та ещё тёплая. Пожалуй, слаще для моих вкусовых пристрастий может быть только кусок свежего

чёрного хлеба, покрытый кой-где кусочками чеснока и сверху укрытый колечками помидоров, мм...

– Мам, а помидоры есть?

– Ишь, генерал выискался! Ещё и цепляется! Иди, работай – и покупай что хочешь и когда хочешь! Всё равно нормально не учишься!

Обиженно шмыгнула носом. Нормально я учусь! Да, до красного диплома навряд ли дотянусь, но, как любит поговаривать папа нашего хулигана Кирилла: «Лучше иметь синий диплом и красное лицо, чем красный диплом и синее лицо». По крайней мере, этим Кирилл бессовестно отвечает на все упрёки преподавателей. Как он до второго курса с таким антинаучным подходом дожил, не уточняет.

– Саша!

– Ась?

– Вечность тут будешь сидеть?! Опоздун махровый!

– Ну... ну, я только бутерброд себе соберу... и уже бегу... – вскочила – дед подхватил падающий стул – и кинулась к холодильнику.

Из груди моей вырвался радостный вопль при виде красноватых шарообразных бочков, смотревших на меня из стройной шеренги с верхней полки.

– Помидоры! Круто! Наконец-то вы их купили!

– Всего-то два дня не было, – проворчала моя родительница, мрачно прислонившаяся к косяку у двери. Она уже была одета в строгую чёрную юбку и белоснежную кофту.

– Ты же знаешь, Наташа, что помидоры и Саша в одном помещении долго не живут, – подмигнул ей дедушка.

– Что, ты так и пойдёшь? – проворчали с порога.

– А? – недоумённо подняла взгляд на бабушку.

– Оставляю её на тебя. Выгони как можно скорее, – проворчала мама и, мрачно подняв подбородок, удалилась.

Её бы в кино на роль главной королевы – от её осанки многие артистки бы удавились от зависти. Зрительницы, впрочем, тоже. Да и мужики бы как вздыхали, видя эту гордую статью на экране...

– Что писала-то хоть? – поинтересовался дед, смотря, как я с заботой намываю помидоры, шесть штук.

– Про драку людей с инопланетянами. Один из фрагментов масштабной войны.

– А кто победил-то? – оживился мужчина. – Ихние или наши?

– В данном эпизоде – наши.

– И ладно, – он довольно улыбнулся. – Мы и сами с усами!

– Но вот насчёт войны в целом не знаю, – прядь волос задумчиво на палец накрутила. – Наши выиграла? Или иная цивилизация? В любом случае, потери с обеих сторон были немаленькие... – чуть помолчав, прибавила: – А, нет...

– Наши просрала?

Тут дедушка схлопотал полный ненависти взгляд от бабушки – и затих временно, правда, заинтересованно за мной наблюдая.

– Да нет... возможно, это будет сцена к старому или новому циклу. Но в нынешней книге нету каких-то масштабных торговых сделок с инопланетными цивилизациями, да и войны нет. Но люди живут спокойно. Да, наверное, люди в итоге отвоевались. И либо уничтожили всех врагов, либо показали, что к нам лучше не соваться.

– И то ладно, – улыбнулся дед.

Тут уже на арену боевых действий, воспитательных, ввалилась бабушка, которая вовсе не пыталась втереться мне в доверие:

– Ох, опять! – она скривилась. – Это фэнази... фанази... тьфу, как там эту пакость называют?

– Фэнтези, – хмуро поправила её я. – Но в данном случае это скорее научная фантастика.

– А как же твоё любимое фэнтези? – дед хулигански прищурился. – Изменяешь своему любимому?..

– Нет, ты что! – ухмыльнулась. – Я несколько книг пишу параллельно. И почти все из них – это фэнтези.

Просто я считаю этот жанр реально крутым.

Но бабушка не сдавалась, пытаюсь подключить тяжёлую артиллерию:

– Фу, слово-то заморское... противно! Такая большая уже девушка, а всё ещё пишешь сказки про принцев и единорогов!

Вздохнув, провыла отчаянно:

– Бабушка, сколько раз говорить, что фэнтези – это не

только про принцев и единорогов?! Есть ещё и про вампиров...

– Тьфу, мерзость какая! – пожилая женщина скривилась. В это мгновение она очень напомнила мне маму.

Эх, она б ещё знала, что есть эротика, слэш... и чего только нету в фэнтези! У неё бы язык не повернулся звать этот достойнейший из жанров сказками про принцев и единорогов!

Так, стоп.

Александра, не уходи мыслями в карьер! Тебе надо потопотопиться с приготовлением обеда. Смилуйся над телом, которое сегодня почти не спало, дай ему хоть пожрать!

– Сядь, сама нарежу. Поешь пока, – велел генерал номер два.

Хотя, если честно, бабушке об этом лучше было не заикаться: и она, и мама считали себя главным генералом всея Руси, то есть, нашей квартиры.

– Нет, я сама! Ты опять столько чеснока наложишь, что меня изжога сожрёт!

– Капризная какая! Вечно цепляется!

Дед тоже вставил внезапно свои пять копеек:

– И вообще зубы почистить после еды, а то от твоего чесночного одеколona штабелями кавалеры будут падать за твоею спиной, но тока замертво.

– А фэнтези вполне может быть серьёзным, – проворчала я, тихо, но дед меня расслышал.

– Ну, выходит, фэнтези – это сказки для взрослых?

– Возможно, – задумчиво отправила в рот ломоть помидора.

И, покосившись на тарелку, добавила ещё и пару ложек каши в пузо. То наслаждалось едой и неожиданным уютом в нём, пока опять меня не настигли цепкие лапы моих муз. А музы мои были крайне общительными...

– Ну, если так подумать... – дед задумчиво сел на свободный стул рядом со мной. – Есть же книги про приключения, детективы, ужасы вот в последние годы... людям хочется читать о приключениях. Слишком мирное у вас время, так что людям не хватает острых эмоций.

– Агась.

– Парня бы тебе, – сурово вклинилась бабушка. – Сразу бы вышла эта твоя дурь из головы. Эти твои вампиры.

– Я влюблена в творчество, – усмехаюсь. – И в искусство!

– Я в твои годы уже замужем была. С ребёнком.

Тяжело вздохнула.

Ну, не везёт мне в любви! Купидон, если и пролетает мимо меня, то только уже усталый и с поля боя, изведя весь свой боевой запас.

– Саш, скажи... – многозначительно начал дед, подаваясь вперёд и подпирая лицо ладонями.

– Ась?

– Неужели, ты никогда не испытывала восхищение каким-нибудь парнем?

– Эм-м... – потёрла бровь тыльной стороной ладони. – Было дело.

Дед прямо оживился. Да и бабушка как-то вдруг присела на стул, приостановилась, прислушиваясь.

– И что же? Он сильный? Тебя защитил? Или прикалывается на уроках, шутник?

– Он...

Тот день никогда не забуду. Тот морозящий дождь. Тот холодный пронизывающий ветер. Аничков мост. И мальчика-художника возле. В чёрной толстовке с черепашкой на спине. Укрывшего лицо промокшим капюшоном. Да и весь он вымок насквозь. Но он стоял у стены, смотря на мост, и рука его порхала над большим альбомом, вооружённая заточенным ножом карандашом с почти уже истёршимся грифелем. Его тонкие руки то легко, почти неощутимо касались к поверхности вымокшей бумаги, то наводили толстые штрихи...

Мне надо было спешить. Мы с экскурсией ходили с классом в Эрмитаж. Я отпросилась заскочить в кафе по пути, по нужде, когда до музея оставалось ещё сколько-то идти. И учительница, одноклассники и двое родительниц ушли вперёд, чтоб успеть к назначенному времени. И мне наказали поторопиться. Меня пустили в первом же попавшемся кафе, едва только робко спросила у девушки у кассы. А потом, ко-

гда вышла, ноги мои поскользнулись в промокших сандалиях, я упала. А когда со стоном села, то увидела его... мальчика-подростка, рисовавшего под дождём то ли мост, то ли улицу. Я видела, как увлечённо он рисует, но не видела его лица, скрытого капюшоном.

Мне надо было торопиться, но любопытство пересилило. Я подкралась, заглянула ему через плечо. И слова, и восхищённый взглас застыли у меня в груди. Я смотрела и не могла насмотреться...

Это был город... мой город... и не мой город...

Лошади моста и укрощавшие их юноши были как живые, но... но за ними, по ту сторону реки взмывали в небо дома, напоминавшие кристаллы... на просторном льде замёрзшей реки катались люди. Катались, будто танцуя. Коньков у них не было... казалось, будто кто-то из них летит, вот-вот обратятся в крылья полы плащей и рассечённых по бокам длинных юбок, широкие рукава...

Над людьми в небе летели странные приспособления, напоминавшие угловатых птиц или тарелки. Да вообще было непонятно, что это! Они по формам не походили на самолёты и, лишь отдалённо, походили на птиц, но они летели! Со всем низко или над шпилями домов-кристаллов...

И... и посреди его картины танцевала, кружась на льду, девушка, в развевающихся одеждах – под взмахами разрезанной на две полосы длинной юбки были видны чёрные штаны и странной формы сапоги... длинные волосы её раз-

метались... над одной её рукой кружилась чайка... они летели... они то ли танцевали, то ли летели...

И это чувство полёта... оно захлестнуло меня, оно забрало мою душу. Казалось, что там я... другая я... вот, я раскинула крылья и то ли парю над льдом и вот-вот оторвусь от него, то ли танцую, скользя... и развеваются мои странные одежды...

Чудный город поглотил меня... дождь исчез... исчез шум машин...

Всё исчезло... остались только девушка, катающаяся по замёрзшей реке вместе с чайкой, и дивный город, подобного которому я никогда не видала на фото... и в книгах... город, которого, кажется, никогда не существовало на земле... этот город был таким реальным! И то чувство танца-полёта, охватившее меня, впившееся в мою душу...

Город мой и город чужой... город несказанно красивый... чарующе прекрасный... и девушка, танцующая с чайкой на льду... как сбывшаяся мечта!

Этот мост моего города перенёс меня в город другой... этот толстый лист мокрой бумаги перенес меня в мир другой, в другую реальность...

Хрупкий мир грёз был разрушен внезапным писком. Юный художник достал мобильник, теньше моего и совсем не похожий на него, щёлкнул по кнопке пальцем с грязными ногтями – под них забилося что-то зелёное и жёлтое, наверное, краска – поднёс к уху:

– Нани?..

Я застыла, услышав это странное слово. А он шумно выдохнул и почти сразу же отключил связь, убрал телефон. Сложил альбом, сжал под мышкой и торопливо ушёл. По мосту, в другую сторону. А мне казалось, будто этот мальчик уходит по знакомому мне мосту в другой мир. Он не был похож на человека нашего мира. И его картина... его рисунок... это было ожившее волшебство, настоящее волшебство!

Я никогда не забуду этого мальчишку, чьё лицо я так и не увидела!

Потому что его мир поглотил меня... он преследовал меня...

Да, я тогда развернулась к нему спиной и побежала к музею, догонять своих. Мне надо было успеть. Потому что мама тогда денег дала, а у нас тогда был сложный период.

Да, я всё-таки остановилась почти сразу, обернулась – он как раз уже взошёл на середину моста – и медленно исчез по ту сторону, словно растворяясь в проходе-переходе иного мира...

Он ушёл – и я никогда более не видела его. Но его мир поглотил меня. Его картина стояла у меня перед глазами. Даже в музее, уже догнав своих – успела таки просочиться к ним через толпу – я, кажется, оглохла. Так как учительница что-то ворчала – лицо у неё и взгляд были сердитыми – но я её не слышала. У меня перед глазами стоял тот, иной город. И лёд под ногами девушки раскрасился отблесками жёлтыми,

розовыми, голубыми и тускло-сиреневыми. И то чувство полёта, тот диковинный танец захватили её...

И экскурсовод что-то говорила, долго... и меня тормошили Лерка и Нина, но их всех я тоже не слышала...

Та девушка всё ещё танцевала на замёрзшей реке неведомого города...

Я... я танцевала на льду неведомого города, а надо мной вилась моя подруга-птица...

Её белое тело с чёрными росчерками было как моя одежда – светлая с чёрными росчерками деталей...

Мои руки раскинула в сторону... развевался подол юбки из двух кусков... развевались рукава и мои тёмно-каштановые волосы с рыжеватыми прядями...

Он ушёл – и я никогда более не видела его, но его мир поглотил меня – и вечером того дня я впервые взяла в руки ручку не для того, чтоб делать домашнее задание, а для того, чтобы выпустить на свет мою первую историю...

«Последний влюблённый» – отрывок 2

Ветер, играющий над зелёным морем, развевал длинные, чёрные волосы узкоглазой девушки, полы её платья, разрезанного по бокам, до бедра, светло-сиреневого, чешуйчатого, полупросвечивающего платья, из-под которого виднелись чёрные штаны, обтягивающие худые ноги, да чёрная полоса, обтягивающая грудь, переходящая в обтягивающие узкие, чёрные рукава по локти. Ветер нагибал два ярких, солнцеобразных цветка с сочными лепестками и толстыми стеблями, растущими на вершине скалы. Красный и жёлтый... она застыла у обрыва над морской бездной, переводя взгляд с красного на жёлтый и обратно.

– Александру может понравиться, – девушка внезапно улыбнулась, но тут же посерьёзнала, голову склонив на бок. – Хотя этот зануда не замечает красоты! Разве что заметит их запах?..

Носом шумно втянула воздух, подхватываемый ветром и с вершины и доносимый до обрыва огромной скалы, кое-где испещрённой скрюченными соснами, словно последние волосы облысевшего скрюченного старца.

– Сильно пахнут! Точно заметит, когда внезапно в его кабинете появится новый запах! – тонким пальцем смуглым

протёрла под нижней губой. – А откуда будет искать запись камер, будет взволнован! – радостно потёрла ладошки. – А когда найдёт – то вспомнит обо мне! – виски сердито растёрла с краешками бровей. – В этом же простом вторжении в его покои нет же ничего незаконного?..

И, закатав широкие, полупрозрачные, верхние рукава, наверх полезла. Тонкая кожа царапинами и ссадинами покрылась – но девушка всё лезла выше и выше – а лёгкому тускло-сиреневому платью ничего не стало. Правда, дотянувшись до двух одиноких цветов на вершине одного из самых высоких утёсов, только успела руку протянуть, да сжать пальцы на толстом стебле, как струя пота со лба под ноги сбегала и, прокатившись по блестящей полупрозрачной ткани подола, упала под ноги, в блестящей чёрной обуви.

Нога соскользнула с обрыва, исцарапанная рука напрасно протянулась к выпуклости...

С отчаянным криком она свалилась вниз.

В ушах свистел воздух, полы одеяния на несколько мгновений заслонили весь мир, плети волос плеснули по глазам, заставив зажмуриться...

Жёлтый цветок ярким солнцем блеснул сверху, с ускользающим благоуханием.

– Алекса...

Хрупкое тело вытянулось вперёд, рука рванулась вверх...

Взметнулся фонтан из брызг, мир распался в водяную воронку...

Тонкие пальцы сжали ворот. Из губ выскользнули пузыри, ноги отчаянно всплеснули воду...

Тусклый свет сверху уходил, уплывал вдаль...

Толща морской воды сомкнулась над её головой.

Ноги замерли. Вереницы пузырьков прекратились.

Дикая боль, разрывающая всё внутри.

Мир потускнел.

От яркого света и шума лучей, расползающихся с проявившегося на левой руке браслета, длинные водоросли на дне всколыхнулись.

Тонущая отчаянно, из последних сил дрыгнула ногами, рот открыла...

Тело молодого мужчины, лежащего на дне, на глыбе тускло-сиреневого льда, ярким пятном белеющее и будто подсвеченное в тёмной воде, дёрнулось, когда вода ударила по груди...

Распахнув глаза, она с ужасом смотрела на проплывающее вниз распротёртое на льду тело молодого мужчины, с прорезанной грудью в области...

Девушка от ужаса застыла, перестав пытаться дрыгать ногами.

И человек, из которого вырезали сердце, внезапно глаза распахнул...

Тело замерзло от холода целую внешность. До того, как с обломанных кристаллов-стен скатилась огненная лавина. До того, как глаза распахнув от ужаса, молодой мужчина с вырезанным сердцем увидел огненные звёзды, сложившиеся на чёрном небе, над руинами города. И мощной струёю водой огненные звёзды, чёрное бездонное небо и руины заглотило...

Но теперь вокруг почему-то застыла водная толща. Разомкнулись, распахнулись длинные, тёмные щупальца водорослей.

С неба, затканного водой, вниз медленно спускалась девушка.

А за её рукой медленно опускалось яркое солнце...

Вздвогнув, человек с вырезанным сердцем приподнялся на локте, растерянно смотря, как она проплывает вниз. Как вслед за змеями, ветвями длинных волос утекает яркое, жёлтое солнце на толстом стебле.

– Стебле?... – молодой мужчина сел на глыбе льда.

Странный мужчина с чёрными волосами, отливающими и поблёскивающими синевой... мужчина, который не должен был уже жить...

Странное что-то, проступившее в глыбе льда причудливого оттенка...

«Кажется, кости отрубленной и скрюченной тонкой ру-

ки?.. Женской...»

Сознание и уплывающие обрывки чувств – последнего ужаса и удивления – потонуло в тёмно-зелёной воде и мраке сомкнувшихся водорослей...

«Но там... там, кажется, была машина?.. Похожая на металлическую птицу... птицу, лежащую... на боку? Та птица...»

От яркого света, проникающего сквозь тускло-розовое небо, от оглушительного запаха здешних трав и цветов, кожа покрылась фиолетовыми пятнами.

Она села, задыхаясь, схватившись за ворот.

Длинные пальцы коснулись плеча с оборванной тканью – она удивилась, дыру увидев – ногти удлинившиеся кольнули кожу.

Девушка вскрикнула, выгнулась...

Незнакомец осторожно прикоснулся губами к её плечу. Заставив вздрогнуть.

Боль и удушье от ядовитых испарений исчезли. Сознание очистилось.

Подняв голову и взглянув на своего спасителя, она изумлённо застыла.

Но молодой мужчина в блестящих одеждах – словно из металла вылитых, но явно не лишавших его тело подвижности – как-то насмешливо улыбнулся. Он ей чем-то напомнил...

«Но он же... он же не может!...»

– Разве может человек прожить без сердца?! – она торопливо отодвинулась.

Уперлась в ствол каких-то растений.

Поёжилась от боли.

Он мизинцем левой руки стёр кровь с прокушенной губы и осторожно плеча оцарапанного коснулся. Боль прошла через миг. Яд инородных растений перестал действовать.

– Ты, кажется, не местная?

– Но... но на этой планете никого нет! – вскочив, она торопливо отступила. – Александр сказал, что кроме растительных организмов здесь нету иной формы жизни! Тем более, разумной!

– Разумной?.. – молодой мужчина голову на бок склонил, разглядывая отступавшую. – Твоя защита явно ослабела, но ты продолжаешь бродить по чужой и опасной для твоего организма территории. Это ты-то разумная?

– Я-то... – она сжала кулаки, рот раскрыла, не зная, чего и сказать ему.

Тут.

«Что он вообще делает здесь? Александр сказал...»

– погоди, ты сказала... – незнакомое существо прищурилось. – Ты сказала, что ты – человек?

– А что... не похожа? – сжала кулаки, запоздало прищурилась. – А ты...

– Кианин, – он нахмурился.

– Кто? – глаза широко распахнулись. – Значит, не человек! Люди не смогут жить, если у них вырезано сердце! – попяtilась. – У тебя даже следов от крови нету!

– Вода смыла, – он поморщился.

– Н-но ты не человек! – она ещё на пять шагов отступила. – Люди не смогут жить без сердца!

Он резко выдохнул. Спросил, прищурившись:

– Но ты хотя бы знаешь Сандиаса и Лерьерру?

– Это... – она растерянно почесала голову. – Это было... кажется, давно это было? Мм, в какой же эпохе?.. Это...

Неуловимое движение. Указательный и средний его пальцы ткнули куда-то в её шею. Глаза распахнув от ужаса, она рухнула. В его мускулистые подставленные руки. Блеснули на ветру длинные его волосы, в солнечных лучах отливающие синевой...

Чёрные листы голограмм вышли из узкой панели. словно чёрные полотна с золотисто-огненной вязью узоров взметнулись и застыли, растянутые, среди зала, будто выточенного из одного огромного куска льда.

Мужчина с широкими глазами, светлыми волосами цвета песка и бледной кожей устало растёр правую сторону лица, чуть вперёд подался, ближайшие столбцы знаков огненных рассматривая. Следуя резкому движению пальцев – вбок и вверх – чёрное полотно превратилось в маленькую копию холмов и огромного сада у пруда.

– Я б сказал, что кроме растительных организмов здесь ничего нету, но... – палец со шрамом от трёх рядов клыков скользнул по крайнему холму у сада. – Но что-то в преломлении лучей по этой поверхности меня напрягает...

Он зажмурился, несколько взмахов руками...

Зал изо льда исчез, уступая место руинам-кристаллам. Редким трупам и обрезанным, раздавленным кускам тел. Чёрному небу над городом, занесённым снегом.

– Погодите-ка... это же эпоха?..

Пальцы заметались над полупрозрачным творением как перепуганные птицы.

Над руинами проявились, оставляя тусклый, светящийся свет, созвездия, галактики, кометы...

Огненные звёзды над руинами сошлись в почти что ровные линии.

– Искусственные светила! – восторженно вскричал мужчина.

Но вся сложная модель рассыпалась, растворилась в воздухе, когда в зал ворвалась хрупкая черноволосая девушка. И, обвив руками его шею, пылко и отчаянно прильнула к нему.

– Там! Там!..

– Ты мне всю модель реконструкции разрушила! А я только ход светил здешних рассчита...

Тонкие пальцы обхватили его запястье.

– Ты живой?!

– А не должен?! – сердито сощурился.

– Там! – тонкая рука дрожащая указала куда-то на стены зала. – Там ты лежал! У тебя было вырезано сердце!!! Но ты живой! – всхлипнула, глаза тёмные зажглись радостью.

– Как я могу лежать там с вырезанным сердцем, если я тут? – поморщившись, пальцы её расцепил – и девушка, смущённо потупившись, отступила.

Высокий, статный, мускулистый мужчина в длиннополых одеждах. Девушка перед ним застывшая низкая, хрупкая, голову и плечи виновато принизившая.

– Тем более, как бы я был здесь и говорил с тобой, если бы у меня вырезали сердце? – продолжил мужчина сердито, куда-то в сторону указал. – Вон! Я не для того тебя создал и вырастил, чтобы ты путала мои расчёты и мешала исследованиям!

– Но там был человек! – всхлипнула. – Человек без сердца!

– Где? – поморщился, отвернувшись.

– На дне океана... – робко взглянув на него, снова потупилась. – Здешнего.

– Глупости! Даже если здесь и когда-то была разумная цивилизация, она должна была исчезнуть сотни тысяч, если не миллионы лет назад. Тем более, по расчётам оставшихся органических следов, их организмы могли быть близки к нашему. Или... – вздохнул. – Или здесь погибла одна из команд

в эпоху Первых исследований.

– Но на дне, в глыбе льда, была какая-то машина! Похожая на металлическую птицу! Лежала на боку и...

– На птицу? – он резко к ней обернулся.

– Вот такую... – воздух, следуя за движениями хрупких пальцев, приобрёл плотные очертаний. Потускнел и рассыпался.

Нахмурившись, он ладони сложил. Потом перекинул ей плотный голубой луч, возникший между его ладоней. Девушка торопливо луч подхватила, обернула вокруг левой руки. Тот застыл браслетом из сероватого гладкого камня.

– Пойдём, проверим! – резко бросил мужчина, направившись к одной из стен.

Разъехавшихся, едва он сердито дёрнул правой рукой.

– Но Александр! Он...

На берегу она выла, что почему ей нельзя погружаться на дно?.. Двое мужчин в тёмно-серых, длиннополых одеяниях, спрыгнувшие откуда-то с ближайшей скалы, под руки её подхватили и не пустили.

Девушка сердито сидела на берегу, лохматя себе волосы у висков. И, когда Александр выскочил из воды – он мгновенно просох – к нему даже не повернулась.

– Есть что? – один из её охранников спросил, узкоглазый.

– Даже если нам повезло найти ту самую легендарную пла-

нету Трирани... – при его словах мужчины замерли, а девушка резко обернулась. – Это ни о чём не говорит. Все их здания, все их космолёты, вся их техника были разрушены. Особенно техника, – прищурился, глядя вдаль. – Словно она была нарочно испорчена?.. Как будто даже затёрты следы? Вот, кроме останков той перво-птицы никаких иных признаков наличия их техники не сохранилось, – головой качнул. – Я всё-таки считаю, что местная агрессивная растительность поглотила и погубила прежнюю разведывательную команду, ещё сотни, а то и тысячи лет назад.

– Там был цветок? – внезапно спросила девушка, поднявшись.

– Цветок? – мужчина поморщился. – Ты снова мешаешь ходу исследований, глупая девочка?

– Желтый большой цветок с толстыми лепестками? – не отступала она. – Он утонул со мной.

– Цветок?..

Руку к морю протянув, он зажмурился на несколько мгновений.

– Хм, ну, плавает что-то, похожее на обрывок неровный лепестка. Жёлтого... – резко к ней повернулся. – Но по тебе не скажешь, словно ты тонула, тем более, что ты достигла дна. Тем более, с испорченным браслетом... ты б не выплыла! Да и волосы твои были сухими, когда ты ворвалась в мой кабинет.

– Так, может... – глаза её расширились. – Может, он его

забрал?.. – шумно вздохнула. – Хотя не понимаю, ему зачем? Он выглядел таким же твёрдолобым, как и...

И испуганно вскричала, когда Александр схватил её за шею. Ногами испуганно трепыхнула в воздухе.

– Оставь! – один из бывших охранников руку ему на плечо положил. – Она – слишком чистый образец, чтобы уничтожить её так быстро и легко.

– Нет! – всхлипнула девушка, запястье его обхватив. – Не надо меня ликвидировать!

– Но она несёт чушь! Она всегда несёт чушь, лезет с глупыми вопросами, отвлекает меня от работы...

– Но тот парень мог всё-таки кем-то быть, причастным к цивилизации людей. Пусть даже если он и пробыл с вырезанным сердцем на дне.

– Несколько сотен или тысяч лет? – ухмыльнулся Александр. – И вылез... живой?..

– Да это... – он от красного луча, с пальцев среднего и безымянного того сорвавшихся, уклонился, выгнувшись в спине назад. – Ты чего?!

– Ты за мной... – Александр сжал свободную руку. – За мной подсматривал?!

– Мне было интересно, чего твой опытный образец носится по лаборатории весь промокший и с водорослями в волосах.

– Водорослями? – скривился Александр.

Чуть светящаяся волна голубого света прошла по голове

девушки, заставив её вздрогнуть.

– А ты сам посмотри. Вот на что похож этот кусочек бу-
рого скользкого растения?..

– Ах да, – Александр разжал пальцы – и девушка выпала.
Колени расцарапав, всхлипнула. Подскочила, будто уку-
шенная снизу за место мягкое.

– Но ведь я была изранена! Ободрала руки и шею, когда
лезла на скалу за жёлтым цветком! – растерянно кисти рук
растёрла. – Странно, почему я этого не чувствую? Мой брас-
лет не настолько быстро лечит, тем более, если он был сло-
ман.

– Может, за нами следит кто-то из Иных?.. – Александр
напряжённо оглянулся, между пальцев левой руки блеснул
красный луч.

– Нет, – головой мотнул выглядевший самым молодым из
его спутников, – могло быть человекообразное существо, об-
ладающее повышенным запасом прочности организма и да-
же способное подлечить искусственных и проророждённых
людей. Особенно, если это руины Трирани или одной из со-
путствующих их системе планет.

– Кианин? – ухмыльнулся Александр.

– Кианин? – вздрогнула девушка, услышав знакомое сло-
во.

– А что? Эти существа были достаточно прочны. И, хоть
секрет их...

– Нет-нет! – Александр отмахнулся. – Со дня гибели Три-

нани не было обнаружено ни одного кианина или их останков! Это, пожалуй, даже самые затёртые следы Потерянных...

– Китрит 66-1, – грустно усмехнулся прежде молчавший третий исследователь.

– Китрит 66-1? – вздрогнул Александр.

– Значит, вы слышали... – самый молчаливый, прищурившись, посмотрел на местное светило, огненно-бардовое.

Нет, казавшееся таким в заслезившихся глазах девушки. Она торопливо голову опустила. Смахнула брызнувшие слёзы.

Над поляной всколыхнулись чёрные полотна голограмм. И возникли руины полупрозрачного города.

– Вот это точность! – выдохнул молодой учёный.

– Вы сюда посмотрите! – за требовательным взмахом руки Александра над руинами появилась чуть сияющая цепь галактик, звёзд, следов комет.

Новым взмахом руки он себя и двух коллег тёмным куполом прикрыл, так что планеты и звёзды модели стало ярче видно.

– Это же... – молчаливый растерянно рукой провёл вслед за тремя ровными рядами огненных звёзд.

– Я внезапно задумался, что здешние светила предполагаемого времени катастрофы по форме напоминают силуэты артэа с дошедших до нас обрывков записей.

Девушка, оставшаяся снаружи, сердито билась кулаками в

плотный тёмный купол. Ей отсюда речь их была не слышна. Потом, вздохнув, уныло села возле, скрестив ноги.

Мужчины спорили так долго, что она, устав следить за их лицами, смутно различимыми, забросила попытки читать по губам, на бок опустилась...

Распахнув глаза, она с ужасом смотрела на проплывающее вниз распростёртое на льду тело молодого мужчины, с прорезанной грудью в области...

Девушка от ужаса застыла, перестав пытаться дрыгать ногами.

И человек, из которого вырезали сердце, внезапно глаза распахнул...

Александр её, дрожащую и тихо всхлипывающую во сне, растолкал.

– Пора в космолёт возвратится! – пнул в колено. Но не сильно. – Пойдём!

– С-страшно наверное! – голос её дрожал. – Прележать сотни или тысячи лет на ледяной глыбе в холодной и тёмной воде! Да ещё и с сердцем вырезанным!

– Жалеешь его? – Александр ухмыльнулся. – Безмозглый образец!

И он первым вперёд пошёл.

Молодой исследователь, приблизившись, слегка сжал её плечо и отступил.

– Не надо его жалеть, Акио.

– Но... но если он выжил... если он так выжил...

– Если это был кианин, то он боли не чувствовал.

– Но он выглядел как человек! И его сердце... ведь в том же месте у людей находится сердце, верно?..

Молодой исследователь вздохнул.

Молчаливый сухо добавил:

– Кианины – это только подобие людей. Даже если у них есть и бьётся сердце, у них всё равно нету души как у людей, – и быстро догнал главу экспедиции, тихо что-то шепнул, идя рядом с ним.

– Кианины – это тупиковая ветвь эволюции, – добавил общительный молодой. – Что-то вроде роботов, только очень похожи на людей. Люди Трирани сначала как обслугу их использовали. И для опасных работ около систем Иных. Потом заметили, что они... – смутился.

– Чего? – девушка его за рукав потянула.

– Ну, весьма правдоподобно могут изобразить разные человеческие эмоции. Их пытались скрещивать с людьми. Невозможно. Это нежизнеспособный гибрид, не способный к самовоспроизведению.

Они какое-то время шли рядом молча.

Потом она грустно обернулась на удаляющийся скалистый берег и зелёные волны, бьющиеся о камни.

– Но он мог мне присниться?

– Скорее всего, – ответил задумчиво её спутник. – Уто-

питья или выпасть у кромки прибора в воду и очнуться уже после отлива ты могла и сама собой. В конце концов, даже если кианины погубили прежнюю цивилизацию людей, то логичнее было бы и нас добить, их прямых потомков! Но наша цивилизация растёт и крепчает уже несколько тысяч лет, а об кианинах даже от Иных никаких упоминаний не было.

– То есть, ты думаешь, что если кианины до сих пор существуют, то они нас ненавидят? Но разве мы их сделали? Это были Первые! Тем более, как ты говоришь, если Трирани и сопутствующие ей населённые планеты и станции именно они развалили...

– Да кто что разберёт спустя столько времени?! – вздохнул её собеседник.

– И верно... – она протёрла нежную кожу под глазами.

Они прошли несколько шагов ещё.

«Но провести несколько тысячелетий в морской бездне... это должно быть, грустно? И зачем?..»

В этот день маленький отряд археологов, докопавшихся наконец-то до каких-то странностей на незнакомой планете, был необычайно взволнован. Год тяжёлой и кропотливой работы в сложных для выживания условиях... будет ли награждён?..

Акио, сидя на постели, задумчиво крутила между больших и указательных пальцев правой и левой рук голограмму

большого цветка ярко-жёлтого, прежде чем уснуть.

– Столько много жить, чтобы провести одному на морском дне?.. И, правда, зачем? В этом нет логики.

Но когда она, зевнув, на бок на постели обвалилась и уже сомкнула веки, а голограмма между пальцев обрывками чёрного полотна протянулась, чтобы вконец уже распасться, растворяясь в воздухе... кажется, на несколько мгновений исчезнувший цветок стал благоухать как живой?..

И снова тихие будни

Да, математичка потом ругалась за мою первую историю, будучи первым человеком, который увидел моё рождение как писателя. Да, она раскритиковала моё первое творение в пух и прах, негодуя за моё самовольство и вообще, признаться, я никогда не была внимательна на её уроках, даже на контрольных...

Но после того, как я увидела картину того мальчишки-подростка, я начала сочинять истории.

Он рисовал свои фантазии в жанре фэнтези, смешал дерзко мой родной и какой-то чужой город. И моя первая история была смесью грёз с реальностью – если всё-таки давно исчезнувшая Атлантида была чем-то больше чем просто легендой, а когда-то действительно была реальностью. Моя первая история была в том же жанре, что и самая яркая в моей жизни картина – фэнтези.

Он ушёл – и я никогда более не видела его, но его мир поглотил меня – и вечером того дня я впервые взяла в руки ручку не для того, чтоб делать домашнее задание, а чтобы выпустить на свет мою первую историю...

Я видела, как увлечённо он рисует, но не видела его лица, скрытого капюшоном...

Я искала его... я прогуляла уроки – впервые в жизни прогуляла школу – на следующий день. Помню, тот день, в про-

тивноположность прежнему, был солнечный, тёплый, яркий. Помню, как отчаянно билось моё сердце, когда я влетела на трамвай, чтобы добраться дотуда... как мне казалось, будто я ради него прошла по подземелью... и как бешено билось сердце, когда эскалатор поднимал меня к выходу на Невский проспект... как я отчаянно бежала по улице к Аничковому мосту...

Ведь сегодня было солнце! Сегодня он мог спокойно наполнить свой рисунок красками! Я почему-то думала, будто знаю, какими цветами он его раскрасит. Ведь он должен же был доделать свой рисунок! И я сегодня не буду прятаться! Я обязательно спрошу его телефон! Я хочу поговорить с художником, в чьё творчество я так влюбилась! Интересно, как же его зовут? Мне почему-то казалось, что его имя тоже начинается на «а»... что его зовут как-то вроде Александра. Он – Александр, а я – Александра. Хотя... нет, тут что-то не то...

Но у моста никого не было. Даже туристы в этот солнечный день почему-то обходили эти улицы и мост стороной.

Он... не пришёл или уже ушёл?..

Я прождала его до вечера, прогуляв заодно и контрольную по русскому, и шанс выступить с моей домашкой по литературе, которую несколько дней назад так старательно готовила.

Этот мальчик не пришёл.

Я никогда не забуду этого мальчишку, чьё лицо я так и не

увидела! Он ворвался в мою жизнь внезапно, будто волшебник, со своей необыкновенной картиной – и также внезапно её покинул.

Я приходила туда и на следующий день.

Я ходила туда ещё с неделю, каждый день, отчаянно прогуливая уроки ради встречи с ним...

Он не пришёл...

Я ходила ещё с две недели по ближайшим улицам... разбила мою любимую голубку-копилку и потратила все свои сбережения на дорогу. А новых мама моя, поговорившая с классной руководительницей, мне не давала. Раз она даже пыталась запереть меня, а я вылезла на балкон и спустилась вниз по дереву. О, как потом на меня ругались! Мол, третий этаж, ты могла бы разбиться... но добрая Лерка, когда я, запыхавшаяся и рыдающая, позвонила ей в дверь и попросила денег «на вопрос жизни и смерти», даже не расспрашивала, а с готовностью разбила для меня свою копилку. И я вновь пошла к Аничковому мосту...

Но и в этот день его там не было. Этого юного художника, перевернувшего всю мою жизнь!

Я с рыданиями упала на колени. Вдруг ощутила прикосновение тёплых рук к моим плечам. Сердце рухнуло куда-то. Я с надеждой обернулась...

На меня смотрела Лерка.

Я никогда не забуду этого мальчишку, чьё лицо я так и не увидела...

– Он... он какой? – с улыбкой спросил дедушка, вытрясая меня из воспоминаний, тягучих, сладко-горьких.

– Он... – невольно улыбнулась, но горько. – Он – художник. И его картина – самая красивая из всех, что я когда-либо видела. Жаль, я не знаю, как его зовут.

Я ведь искала его! Искала спустя года, уже в старшей школе, через интернет! Я и сейчас порой провожу много часов за разглядыванием галерей на сайтах для художников и, особенно, любителей рисовать в стиле фэнтези и фантастики! Я... признаюсь, я всё ещё мечтаю однажды найти там его картину и наконец-то узнать его имя. Но он ни разу и нигде с ней не появился!

Я зарегистрировалась на бесчисленном количестве форумов для любителей рисования и профессиональных художников, спрашивая об этой картине. О, мне так хотелось, чтобы кто-нибудь где-нибудь увидел её! Её бы запомнили, я уверена!

Но никто не знал о нём и о той картине. Ничего. Никто. Будто он появился в один только день в нашем мире, а потом – испарился! Или... он ушёл туда, в тот неведомый мир, прикосновение которого нарисовал к нашему мосту?

Признаюсь, что однажды даже хотела спрыгнуть с Аничкова моста, в надежде, что мне откроется портал в неведомый мир, его мир... мир его...

Но Лерка меня отговорила. Сказала, что других миров не существует. Сказала, что я могу попасть под катер – и утону. А если я утону, захлебнувшись, то, когда этот парень – он уже должен был вырасти – снова будет рисовать, может даже, на том же самом мосту, я уже его не увижу. И потому я передумала. И потому я любила слоняться по городу, заглядывая через плечо всем художникам, попавшимся под прицел моих глаз.

Я никогда больше не встречала его. Только один раз. Только в тот день. В тот дождливый день, когда никто не мешал ему рисовать, даже дождь...

Я никогда не забуду этого мальчишку, чьё лицо я так и не увидела!

Надеюсь, что он никогда не перестанет рисовать! Потому что его рисунок был самой прекрасной картиной, которую я когда-либо в жизни видела! Потому что такой дар не должен исчезнуть! Потому что фэнтези и фантастика – это не приговор. Фэнтези и фантастика – это ожившее волшебство. Фэнтези и фантастика – это мастера, которые дают нам возможность прикоснуться к чуду, хотя бы ненадолго. Даже если чудес не существует. Даже если их никогда не существовало. Даже если более нет никаких миров. Как же сладко, как же вкусно, как горько и как больно думать, что они существуют! Они существуют, но вдали от нас... не для нас...

– Опоздаешь! – проворчала бабушка, жестоко вырывая меня из грёз, когда на несколько мгновений силуэт того под-

ростка в чёрном стал таким реальным и реальным, как и чувство полёта, захватившее меня, когда смотрела на его картину.

Я торопливо заложила помидоры кусками чёрного хлеба, сверху, упаковала. Руки сполоснула. Сбегала в комнату. Там задержалась. Бесшумно прокралась к двери, закрыла её. Залезла на шкаф, доставая заветную красную папку. Папку цвета крови. Папку цвета жизни. Раскрыла, грустно улыбаясь...

По льду замершей реки каталась девушка, а на руке её сидела птица. Кажется, чайка. Лёд отливал то серым, то пастельно-жёлтым, то розовым, то тускло-фиолетовым, то голубым... за её спиной был мост. На мосту стояли, облокотившись о перила, двое, судя по смутно видимым силуэтам, мужчина и женщина. Под мостом был виден другой мост где-то позади... и дома странной формы, напоминавшие лёд... тусклое, жёлтое солнце на голубом-голубом небе, подёрнутом дымкой... и две странных машины летели в небе, то ли рядом, то ли так, что казалось, будто крылья одной касаются брюха другой...

Этот рисунок мне подарила Лерка. Лера... я ей столько раз говорила о том подростке-художнике и его картине, то со слезами, то с улыбкой, что она не выдержала. И однажды, прогуляв контрольную, опоздав, с невымытой головой и опухшими глазами, довольно улыбаясь, протянула мне красную папку.

Никогда не забуду тот восторг, когда снова увидела девушку, летающую по льду!

Она была не похожа. Лера рисовала похуже того неизвестного знакомца.

Но подруга очень старалась.

И так у меня появился осколок моей мечты: я снова смогла увидеть девушку, то ли скользящую, то ли танцующую по льду, по разноцветному льду неизвестного города, вместе с птицей... я могла теперь любоваться ею, когда хочу! И это было чудо! Ожившее чудо! То чудо, которое моя подруга нарисовала для меня!

Это была другая девушка, другая птица, другой город.

Хотя...

Моя подруга никогда не видела той картины, но что-то в силуэтах её домов и в фасоне одежды у застывшей в полёте незнакомки было похожее. Я не могла бы внятно описать словами те дома, странные дома, и те странные летающие машины, но... что-то в Лерином рисунке было похоже. Даже лёд... разноцветный лёд... он почему-то был разноцветным! Во льду были всполохи рыжего цвета. Я никогда не говорила Лере, что лёд отливал ещё и рыжим – она так увидела и нарисовала – но... это было похоже. Почему-то мне казалось, что если бы тот мальчик раскрасил свой рисунок, то лёд должен был быть разноцветным... что лёд с лериного рисунка и с его картины могли быть похожи...

Я бежала в вуз, вдоволь насмотревшись и безбожно опаз-

дывая.

Я бежала, задыхаясь, но не жалела.

Так бежала, так ушла в свои мысли о новой истории, что на кого-то налетела.

Мы, вскрикнув, упали по разные стороны дороги. Сели, обдирая ладони об асфальт. Мрачно посмотрели друг на друга.

Парень-азиат. Невысокий. Худой. Узкие плечи. Встрёпанные чёрные волосы. И... и негодующе смотрящие на меня чёрные, совсем чёрные глаза, выделявшиеся на непривычно бледном лице.

Инъэй-но Кэйдзи («Откровения Тени») – 1

Где-то на просторах японского интернета. Давно заброшенный дневник, застрявший в архиве – в разделе записей, замороженных за долгим молчанием хозяина.

15-я запись – 10 апреля 2007

Сегодня меня снова били одноклассники. Всё как всегда началось из-за ерунды.

Обеденный перерыв. Кто-то ушёл в столовку, кто-то – на улицу. Часть девушек сдвинули свои парты вместе, выставили в центр получившегося большого стола коробки с об-энтто, булочки и пачки с йогуртом, соком и молоком. Трое парней трепались, выглядывая в окно. Обсуждали главную красавицу школы, видимо, прогуливающуюся под окнами в окружении стайки подруг. Спорили, кто в силах её соблазнить. Двое ставили деньги, все свои сбережения, третий – свой мотоцикл. Я тихо ел, сдвинув свою парту и стул подальше, с краю, у дальнего окна. Там открывался красивый вид на старую цветущую сакуру.

Я почему-то вспомнил другой год, когда тоже был апрель.

8 апреля на очередной Камбуцуэ, День рождения Будды, я тоже выступал с другими детьми. Тогда я был мелким. Тогда я ещё верил всему. И буддийским легендам, что Будда родился, когда его мать намеривалась переломить стебель цветка, и синтоистским идеям, что в 8 день 4 лунного месяца Бог полей спускался с гор – и люди встречали его с цветами.

В тот год я участвовал в Камбуцуэ. Вместе с другими детьми ходил в местный буддийский храм, поливал сладким чаем аматя установленный в нём маленький макет храма с украшенной цветами миниатюрной статуэткой Будды-младенца. Я танцевал вместе с другими детьми, пел с ними, вместе читал ритуальные песни. На мне была яркая одежда, в руках я нёс роскошный букет цветов.

Тогда я был счастлив. Тогда я верил всему. Я шёл вместе с другими детьми, мы были как одна команда.

Сейчас снова апрель. Но я один. Я смотрю на старую сакуру и радуюсь, что хотя бы она цветёт для всех, не разделяя людей. Она дарит свою красоту, не деля нас на плохих и хороших, бедных и богатых. От её красоты богатыми становимся все мы. Но лишь на краткий миг, пока она цветёт. Потом сакуровые лепестки облетают, покрывая землю белым и розовым снегом. Так мы теряем красоту. Её теряем все мы. В этом мы тоже равны, как и в возможности любоваться цве-

тением. Красота быстротечна. Неуловима...

1 апреля я поступил в 1 класс средней школы. Новая школа, в другом городе – из-за работы отца мы снова были вынуждены переехать. Новые одноклассники все незнакомы. Я надеялся, что хотя бы здесь смогу с кем-нибудь подружиться.

Я ничего не делал. Я не облил случайно томатным соком форму главного драчуна класса, как в младшей школе. Я был вежлив. Исполнителен.

Но никто не хотел дружить со мной.

– Ты слишком громко жуёшь! – сказал вдруг один из одноклассников, отвернувшись от окна.

Я так засмотрелся на сакуру, что не сразу услышал его. А услышав, узнав нотки недовольства в его голосе, машинально извинился. Одноклассник медленно подошёл ко мне, сгрёб за ворот:

– Это моё место! – сказал. – Ты сдвинул свою парту на место моей!

– Только на время перерыва. Пока оно свободно. Пока твоя парта стоит вон там.

Он поднял меня – был сильнее – и швырнул на пол. Я ударился носом, кровь потекла из ободранного локтя. Ушёл в туалет, смывать. Когда вернулся, моя парта стояла на моём

месте, а на ней чёрным маркером было написано «Умри!».

Я повернулся и вышел. Хотел подышать воздухом. Мне вдруг показалось, что стало нечем дышать, что задыхаюсь. Это было началом моего конца. Они подумали, что я дал слабинку.

Я только вечером понял, что в тот раз я должен был остаться. Может быть, даже наорать на него. Показать, что я злой. Быть злым, получить выговор лучше, чем быть слабым. Может, тогда бы меня не тронули?.. В тот момент, когда ушёл смывать кровь, они подумали, будто я испугался. Но мне не в первый раз писали «Умри!» на парте – в младшей школе одноклассники часто так развлекались, особенно, в 4 и 5 классах. Если честно, я даже не придавал этому особого значения. Ведь сдохнуть мне желали часто, но я всё ещё был живой, не смотря на проклятия прежних одноклассников. Тут мне стало не по себе от того, что случились мои опасения – ко мне пристали и в новой школе.

Долго выливал себе на голову холодную воду. Когда вернулся, тот парень искал ручку. Редкую, коллекционную, с каким-то супергероем из популярного сейчас анимэ. Даже учителю пожаловался. Учитель велел всем вытрясти содержимое сумок на парты.

Его ручку нашли у меня.

Я не крал её. Меня подставили. Но я дал слабинку – и мне никто не поверил. После школы тот парень и его приятели подкараулили меня за школьными воротами и избили. Мол, чтобы запомнил. Мол, знай своё место.

Почему жизнь так жестока ко мне?.. Я был убийцей в прошлых жизнях?..

Простите, что я ною. Возможно, и у вас хватает трудностей. Может быть, вам ещё хуже, чем мне, но я больше не могу держать мои эмоции в себе.

Комментарии:

9:43 – Кагэ: Хреново.

9:46 – Инъэй: Спасибо за сочувствие*^_^*

9:48 – Кагэ: Я тебе не сочувствую. Ты сам виноват. Тебе нельзя было тогда выходить. Надо было дать ему в морду.

9:54 – Инъэй: Просто ты никогда не был в такой ситуации. Страшно, когда неожиданно цепляются.

11:02 – Кагэ: Я был. Меня тоже травили в начальной школе. Я даже хотел спрыгнуть с крыши.

11:03 – Инъэй: И... ты попытался?

11:25 – Кагэ: Я полез на крышу. Но меня грубо схватили за ворот наверху лестницы. Оказывается, отец послал своего человека следить за мной. Он якобы работал учителем. Но

он не вмешивался прежде.

Как назло, я единственный сын в семье. Отец тем вечером сказал: «Ты можешь развлекаться, как хочешь, пока молод, но умирать не имеешь права: когда ты станешь взрослым, фирма перейдёт к тебе. Жизни тысяч сотрудников уже зависят от тебя. Если ты умрёшь, сынки моих помощников перегрызутся за твоё место. Пострадают обычные люди, которые верят в наше дело и идут вместе с нами несколько десятков лет. Даже если меньше. Я не позволю, чтобы из-за тебя пострадали»

11:30 – Инъэй: А как же ты?

11:45 – Кагэ: Повторяю, отец сказал: «Ты можешь развлекаться, как хочешь, пока молод, но умирать не имеешь права».

11:47 – Инъэй: Это подло. Так жестоко!

11:52 – Кагэ: Не знаю. Он – мой отец. Я родился наследником крупной фирмы. Эти люди, сотрудники, и в правду зависят от нашего руководства. Я не хочу заниматься бизнесом. Но я обязан этим заняться в будущем. Я обязан стать сильным.

В тот вечер отец дал мне денег. Сказал: «Иди – и научись драться. Ты можешь выбрать любое направление: айкидо, кунфу, каратэ, бокс... что угодно! Но ты обязан дать им сдачи, рано или поздно».

Я вначале сильно на него разозлился. Но потом драться пошёл. Не ради будущего фирмы. Ради себя. Я вдруг подумал,

мал, что хочу дать в морду им всем.

11:53 – Инъэй: Странное совпадение! У меня та же история. Я тоже единственный сын. Единственный наследник. Отец сказал, что в будущем передаст своё дело мне. Что сам выберет мне вуз и специальность, где я буду учиться.

11:56 – Кагэ: Забавное совпадение. Сочувствую.

11:57 – Инъэй: Слушай... мы могли бы быть друзьями? Раз мы похожи?.. Тебя когда-то тоже травили. Ты тоже обязан однажды стать во главе фирмы отца. Ты понимаешь меня так, как никто другой.

11:59 – Инъэй: Кагэ, ответь! Мы... мы могли бы когда-нибудь встретиться вживую?

16-я запись – 12 апреля 2007

Мне грустно. Впервые нашёлся человек, который был готов выслушать моё нытьё. В первый раз кто-то сказал, что понимает меня. Да, это была просто переписка в интернете. Нет никакой информации обо мне. Нет никакой информации о нём. Я даже не знаю, как он выглядит. Если мой собеседник – парень – он свой пол в профиле не проставил.

Кагэ, мне плевать, парень ты или девушка! Плевать, юноша, ребёнок ты или старик!

Почему ты молчишь?! Почему не отвечаешь?..

Ты первый, кто не прошёл мимо меня. Первый, кто выслушал меня. Первый, кто попытался меня понять. Первый, кто понимал.

Ты... ты – мой первый друг, Кагэ! И пока единственный из моих друзей.

Я бы всё отдал, только бы смог ещё хотя бы немного с тобой поговорить!

Умоляю тебя, вернись, Кагэ!

К этой записи нет комментариев.

Глава 2

Китаец поднялся, отряхнул ободранные с моей помощью чёрные джинсы. Вздвогнув, обернулся. Увидел выроненную серую папку. Кинулся к ней, наклонился. Выдохнул:

– Ксо! – выпрямился, сжимая своё сокровище, бережно отряхнул, сжал под мышкой, мрачно покосился на меня.

Вернула ему мрачный взгляд. И пошла мимо. Вообще, по-честному если, надо бы извиниться, но я не знала китайского языка, да и английский у меня хромал. На обе ноги. Короче, надлежало уйти и не позориться.

Но, пройдя пару шагов, почему-то остановилась. И, поколебавшись сколько-то секунд, всё же обернулась. Он стоял, смотря на меня. Взгляд чёрных глаз, непривычно чёрных, казалось, зрачки перетекли и заполнили всю радужку, был задумчивым. Потом иностранец повернулся и пошёл в другую сторону. На его толстовке сзади была изображена какая-то хищная птица. Эта сильная, ядовито смотрящая птица казалась неестественно живой, рельефной... и слишком мощной для его хрупкой фигуры. Парень вдруг остановился, обернулся. И, заметив, что я всё ещё смотрю на него, как-то ядовито усмехнулся – и ушёл. Зубы, кстати, у него были кривые. Два резца как-то выпирали. Короче, не симпатичный. Да и вообще нафиг он мне сдался?

Тем более, что среди наших преподав добрые есть.

А потому, пристроившись дальше всех, в последнем ряду, за спинами однокурсников и людей с других потоков – лекция была общая, по истории – я открыла тетрадь с конспектами с противоположной стороны и улетела в свою историю...

«Последний влюблённый» – отрывок 3

– И что... ты так просто уйдёшь?

– А разве меня что-то удерживает? – он всё-таки улыбнулся, хотя улыбка его смотрелась как-то странно.

Вроде хамил ей, да грань чёткую меж ними проводил, но улыбался как будто печально.

«Нет, наверное, мне просто показалось» – подумала она отчаянно.

Но, впрочем, надежда почти сразу ожила.

– Но ты хранил мой подарок! – проворчала. – Тридцать девять лет!

– Сорок лет, – возразил он невозмутимо.

Девушка нахмурилась, прикусила губу, подсчитывая, потом вдруг просияла:

– Точно! Уже сорок! А ты до сих пор обо мне помнишь! И даже точно помнишь, когда мы встретились! Ещё лучше, чем я. И... и ты ещё смеешь говорить, что я тебе никто? Что я тебе совсем не нужна?!

– Здесь не место, – сухо сказал он. – Ни к чему нам много говорить. Не время.

– А где будет место... то самое? Когда будет то самое время?

Он усмехнулся, головой качнул:

– Времени того... никогда не будет.

Спиной к ней развернулся, да пошёл в другую сторону.

Она за волосы его схватила, цепко. Да пригрозила:

– Не отпущу!

Взглянув на неё сердито, он ноготь указательного пальца правой руки в лезвие преобразовал, толстое, длинное – и срезал прядь, что она держала. И всё-таки ушёл.

Но наблюдательность была на высоте – из той четвёрки никто даже крикнуть не успел, никто ещё не заметил тот луч, выскользнувший из-за угла, а он приметил.

Метнулся назад, да рванул глупую девку на себя, прижимая к себе, крепко, да уклоняясь от смертельного луча, тускло-фиолетового.

– Палят издалека, – прокомментировал сухо, напряжённо озираясь.

Но она его не слушала, да и не слышала. Сейчас, прижатая его крепкой рукой к его тёплому телу, не слишком мускулистому, но всё же сильному, ощущая, как спокойно и размеренно бьётся его сердце, эта неудачница вслушивалась в свои ощущения и новые какие-то, и почему-то... почему-то чувствовала себя счастливой...

Мужчина огляделся. Но вроде больше не палили. Уже далеко отлетел тот шепутной соперник, оттуда сложно их достать. Да и у него был шанс его подбить, какой-никакой, а всё-таки шанс. И тот хвостатый змееголовый это прекрасно

понимал. И предпочёл смыться к своим.

Он посмотрел на четверых воинов другого отряда – те внимательно смотрели на них, болтливый даже с завистью – не переставая её к себе прижимать.

– Значит, из Рамари 76 выжили только четверо, – заметил невозмутимо.

– А ты из чьих? – девушка подняла голову, чуть отогнулась сверху, пытаясь заглянуть ему в лицо.

– Спецотряд.

– Один из спецотряда? – голос её погрузнел. – Всё настолько плохо?

Воин-одиночка внимательно посмотрел на неё, их взгляды встретились. Она как-то подозрительно застыла. Вроде волновалась. Вот, он вдруг заметил её учащённое дыхание и нарушенное, слишком быстрое сердцебиение под мягкой грудью в теле, которое прижимал к себе. И выпустил её, вспомнив, что это уже лишнее, так как опасность миновала. Но, впрочем, на время.

– Терпимо, – сказал мужчина сухо.

Вновь посмотрел на тех четверых.

– Хорошо, я провожу вас до укрепления, – сказал громко и, повернувшись, ей приказал: – Пошли.

И она радостно пошла за ним. Кажется, ей было всё равно куда идти, лишь бы возле него. И ещё эта неудачница умудрилась забыть, что из двух отрядов послгов уцелело только пятеро воинов. Нет, в чём-то ей повезло. Выжила. Одна из

немногих, выживших в той заварухе.

– Ты из какого отряда? – седеющий мужчина спросил незнакомца, когда эти двое приблизились.

– Спецотряд, – бросил тот сухо.

– Единственный выжил? Или напарники ушли на разведку, проверять другие отряды?

– Спецотряд из дарина, – ответил лишь он. – Много информации просили вам не сообщать. Только поддержать. Да проследить, чтобы ваша экспедиция благополучно вернулась домой.

– Из дарина, значит, – задумчиво сказал командир уцелевших, задумчиво теребя бороду. Единственный из пятерых, кто её носил. – Из какого-то дарина, значит...

И подумал вдруг растерянно:

«А может, всё-таки, и кианин. Из боевых. Но, если решили выслать боевых кианинов, то дело плохо. Хотя... уж они-то этим гадам хвосты поотрывают! За всех павших у нас!»

– Как вас звать? – дружелюбно осведомился самый болтливый из воинов чужого отряда. – Она называла вас Кри, но это же неполное ваше имя, верно?

Одинокый боец, из элитного отряда, ответил не сразу, долго думал. Наконец назвал:

– Кри Та Ран.

Вздрогнул уже седеющий.

– Оо, младший брат того самого учёного Кристанрана?

– Младший сводный брат, – неохотно признался тот. – Но,

надеюсь, вы не станете любопытствовать о моей матери?

– Нет, конечно, нет, – улыбнулся командир. – Да и не время. Вы посоветуете нам укрыться или возвращаться до нашего корабля?

– Ваш разбит, – невозмутимо сообщил Кри Та Ран. – Но места достаточно на моём.

– А вдруг и его найдут? – ввернулась девушка.

– Помолчи, Лерьерра, пожалуйста.

Вот вроде просто сказал, без угроз. Но она сразу заткнулась. И весь путь до корабля молчала. Болтливый воин с завистью смотрел на статного Кри Та Рана. Нашёл, зараза, себе бабу прямо на войне! А у других нет! Но он из спецотряда, с таким лучше не связываться, тем более, из-за баб. Да и дура эта с гонором, к такой так просто не зайдёшь, не пригрозишь, не уболтаешь, не купишь. И, вдобавок, она от этого парня без ума. Хреновая выдалась неделька, в общем.

А командир, вроде и смотревший по сторонам, как полагается, однако же заметил и блеск довольный в бабьих глазах и равнодушие со стороны её знакомого, которого она другом назвала, хотя он её никем не звал, да произносил полное её имя.

«Женщина, подавшаяся на войну. Отчаянная. Упрямая. Единственная в этом походе. Ладно, она ему не мила, но мог бы и отдохнуть хоть чуток. Тем более, что она явно не прочь. Но нет же, невозмутимость, поглощённость делом» – думал сидеть начавший.

А чуть погода растерянно призадумался:

«А человек ли брат Кристанрана или всё же кианин?..»

Но, впрочем, своих предположений ни с кем не обсуждал, да виду не показал, что что-то подозревает.

В конце-то концов, никто не говорил, что тот Кристанран – чей-то аини. Особого интереса у того не было к кианинам. Да, впрочем, кое-кто поговаривал, что у него есть брат, не полностью родной, по отцу или по дяде, дерзкий и смелый. И братья уже чем-то в годы молодые успели отличиться, оба.

«Тем более, – вздохнув, подумал командир, смотря на останки своего отряда, – что от одного лишь подозрения, что в дарина кто-то выдал кианина за своего родственника, поднимется жуткий шум. Разборки будут опасные. И сплетников найдут, прикопаются. Лучше мне заткнуться и не вылезать»

Кри Та Ран взгляд этого мужчины на себя внимательный заметил, но виду не подал.

И снова тихие будни

Уже засыпая на следующей паре, скользнула рукой по карману безрукавки. И от ужаса даже проснулась.

Блокнота не было! Мой блокнот исчез!

Я и в туалете искала, куда заходила, и в столовой, куда заскочила за Леркой. И, запоздало додумавшись, кинулась на улицу. Но там блокнота не нашла.

Сообщала Лере, добровольно вызвавшейся побыть моей жилеткой, то смс сообщениями, то звонками, все свои срочные, животрепещущие новости. Больше они никого не волновали. Ну, может, Лия. Но тот пока куда-то запропастился, на связь не выходил. Странно, он же ж не ярый прогульщик. И вроде работает в другое время. Он-то куда провалился?..

Подруга, глядя на мои мучения, сжалилась. Достала из сумки красивую, пухлую тетрадь, мне протянула:

– На, отвлечись. Вкуси новой дозы.

Я робко пошуршала страницами, цветными, с узором из веток и листьев по краям. А их цвет! Мм... такой редкий оттенок, семь тускло зелёного, сероватого даже и жёлтого. А обложка под старинную книгу, хотя и заметно, что там фото книги старой, обтрёпанной, а обложка целая, блестящей плёнкой покрыта, нежной, новая... гладкая такая... нежная...

– Вот и слёзки пообсохли! – радостно сказала подруга, на

меня глядя.

– Просто... такая бумага! Такая красивая! И обложка такая интересная... – я заморожено разглядывала это восхитительное нечто, а лапки уже тянулись покрыть эти странички, хотя бы пару... десятков... лучшим моим почерком, для парадных надписей, медленно выводимых и изящных, да гелевой ручкой.

Чёрной гелевой – она по цвету сюда пойдёт, в отличие от синей. Да, гелка тратится до жути быстро, но ею линии получаются в разы изящнее, даже если наспех записываемые. А ещё и по такой бумаге! Ммм... ради такой бумаги не грех разориться на коробку запасных стержней от гелевой ручки! Нет, грех ради такой бумаги их не раздобыть! Хотя я в своих черновиках и пишу обычно аки кура лапой, так что их кроме меня никто не расшифрует. И в конспектах – те только Виталик да Валерия научились толковать, за столько-то лет рядом.

– Я тебе купила на Новый год, – призналась подруга, ласково на меня глядя.

– Правда?.. – я подняла на неё глаза, кажется, сиявшие будто солнце, судя по тому, как просветлело её лицо, лицо милой доброй девушки, которой было дело до всех моих тревог и волнений.

– Но раз уж такое дело... ты можешь забрать этот блокнот сейчас.

– Лерка!!! – радостно взвизгнула я, кидаясь душить её в

объятиях. – Ты моя прелесть!!! – расцеловала её в обе щеки и снова по кругу. – Любовь моя!!!

На нас, разумеется, косились. И даже однокурсники наши в толпе собравшейся были. И, хоть и шептались они тихо-тихо, клоунов неожиданных добровольных от выступления не отвлекая, я примерно предполагала направление их мыслей.

На последней паре я была. Хотя... сложный вопрос, была ли я там или меня там не было? Ибо лапки мои с чёрной гелькой – Лерунчик, знавшая меня и мои обострения, сваливавшиеся нам на голову неожиданными и в неподходящее время, таскала для меня пару ручек – короче, лапки мои порхали над новенькой, шикарнейшей тетрадью. Вот вроде важнее то, что мы рождаем, но до чего приятно рождать свои истории на красивейшем материале! И с бумагой такое разнообразие! С вордом будет как-то поскучнее...

«Последний влюблённый» – отрывок 4

Поблёскивали листья деревьев, когда на ещё не упавших, ещё не высохших каплях дождя играли солнечные лучи. Поблёскивали края кристаллов и камней, тонких, разной формы и разных цветов – кажется, здесь были все существующие – прозрачных, полупрозрачных или совсем матовых, чистых или с вкраплениями разных форм и составов.

Худенькая девочка, сидевшая на земле, обсыпанной разноцветными осколками, прямо голыми коленями к ней, медленно собирала разноцветные камни, складывая их в каком-то беспорядке, и на разном расстоянии друг от друга. Поблёскивали крохотные камни и нити, которыми густо была расшита её светло-зелёная одежда из тусклой материи. Да будто огненными нитями падали на её плечи и чуть трепетали от прикосновения лёгкого весеннего ветра её рыжие волосы, спадавшие чуть ниже лопаток.

Мальчик, проходящий на расстоянии от неё, да равнодушно осматривающийся, замер, недоумённо вглядываясь на полянку, только-только начавшую освобождаться от снега, на деревья, пока ещё стоявшие без листьев, тёмные и светлые, да на рыжую девочку в зелёной одежде, между кучек мелких разноцветных камней, ярким пятном выделяв-

шуюся на фоне чёрной земли и снега.

Девочка подняла синий, полупрозрачный камень с вкраплениями какого-то вещества, наподобие волос, коротких, золотистых. И положила рядом с бордовым и сочно-зелёным. Потом ещё добавила блёкло-розовый с другой стороны.

Мальчик перевёл взгляд на запястье, сжал и разжал пальцы, да взгляделся в картину маленькой голограммы, появившейся над его ладонью. Нахмурился. Потом, снова став невозмутимым, сжал пальцы. Пошёл было дальше. Но вдруг остановился, оглянулся.

Она осторожно выбрала ещё один блёкло-розовый камень, маленький совсем, да положила рядом с большим. Но, если совсем уж рядом их сложить, то камни по краям друг с другом вообще не совпадали. Уж точно не осколки от единой, но разбившейся какой-то штуковины.

Он бесшумно обошёл поляну, по ещё сохранившемуся меж деревьев снегу, не оставляя за собой следов. Как, впрочем, и на всём его пути, где под его ногами попадался снег. Шёл медленно, глядя в её движения, да в то, как она тихо выбирает камни: цветов разных, состава разного, степени прозрачности неоднородной, да ещё и друг к другу вообще не прилегающие, если раскладывать их в таком порядке.

Девочка продолжала перебирать горки камней, иногда выбирая из них какие-то, поднося поближе к глазам, рассматривая их, положив на ладонь или на просвет. И многие возвращала туда, где лежали прежде, а то и вовсе сердито отбра-

сывала, а складывала рядом с собой немногие. Но по каким принципам она их отбирала, неожиданному зрителю было непонятно.

Так он и ходил вокруг поляны, точнее, почти у самой её границы – сама-то она была неправильной формы – не приминая ногами снега, изредка лишь придерживающийся стволов. Ходил, ходил... вглядывался в её движения, кусочки разных пород, которые она по непонятным каким-то критериям или отбирала, или выкидывала. Смотрел, смотрел...

Потом уже, не выдержав, ступил бесшумно на поляну, не оставляя следов ни на редких сгустках снега, подтаявшего на солнце, ни на влажных местах на земле, ни на сухих. Прошёл к ней – она и этого не заметила – и встал за её спиной. Беззвучно принюхался. Долго принюхивался к лежавшим камням и кристаллам. Разной формы, но примерно одинаковой толщины вырезанным, пластинками. И снова ничего не понял. Что, впрочем, на его лице не отобразилось: ни гневом, ни растерянностью.

Когда она, вздохнув тяжело, загребла в ладони пригоршню камней и поднесла их к глазам, пристально разглядывая, он подался к ней, наклонился почти вплотную, принюхиваясь. Куски разных видов веществ почти не пахли. Но, кажется, не в этом было дело.

Его волосы, длинные, чёрные, отливавшие синим, упали вокруг её лица. Скоси она немного взгляд – и заметила бы их, таких непохожих на её, тёмных, да ещё и взявшихся неведо-

МО откуда.

И снова тихие будни

И дома своё сокровище не нашла. Нигде не нашла. А там были наброски моих идей для двух новых книг! Обидно! Но блокнот исчез также внезапно, как и тот подросток-художник семь лет назад...

Самое обидное, когда теряешь тексты. То, во что столько сил, чувств и ночей бессонных вложено, столько просыпано своих выходных. Почти так же обидно, как когда ты их обрезаешь, скажем, потому что дёрнуло участвовать в сетевых конкурсах рассказов, а там ограниченный объём.

Кто знает, каково это, уместить целую историю в 12 кб текста? На три-четыре вордовских листа, даже если 12 шрифтом. И чтоб она ещё и была яркая, вызывающая какие-то эмоции у читающих её! И как будто с каждым предложением ножом срезаешь со своего тела кусок себя. Больно, страшно, не хочется. Нет, со временем чуть спокойнее уже начинаешь относиться к моменту редакции – поначалу будто от себя самого отрезаешь, с мукой.

Но терять свои тексты, файлы, записки, черновики – ещё больнее. Словно друга потерял. Словно у тебя умер кто-то. А повторить точно также, как оно родилось на вдохновении – безумно сложно. До слёз обидно.

Два дня проревела. Так, уже по дороге домой и дома. Что в вузе-то к людям приставать – им пофиг. Они сами не пишут, да и редко кто что делает своими руками. Они не знают, каково это – потерять то, что сам сделал. Не ценят. Вот просто вещи рвутся, ломаются – и их выкидывают. Но как больно, если это было то, во что ты вложил свою душу, над чем часами сидел, заботливо подгоняя деталь к детали, да забывая обо всём, сорвавшись на полёте вдохновения. Ведь каждый творец в своё творение, словно в своего ребёнка, вкладывает какую-то частичку себя или даже кусочек своей души!

Там такой красивый отрывок был, в моём блокноте! Мальчик и девочка в каком-то странном городе у витража. Как они смотрели на свет, который проходил сквозь витраж, красивый... смотрели на разноцветные лучи... и как-то эдак всё тогда в жизни того мальчишки раскрасилось. Вся жизнь раскрасилась новыми цветами. И этот миг, когда он увидел тот витраж, он не забудет никогда. Жизнь, когда кто-то вдруг показал ему новую грань мира, очень-очень красивую. Когда он не ждал. Какую он больше нигде никогда не видел. Ту, которая врезалась в его память, чётко и ярко... тайное, драгоценное его воспоминание...

Когда пишу, то почти не думаю, какими словами передать то и это. Я вижу картину внутри меня, яркую или смутную, не перед глазами, а то ли где-то в голове, то ли просто где-то

внутри меня – и пытаюсь дать ей вытечь наружу, на бумагу, записывая ручкой, или через стук по клавиатуре, на экран. Я чувствую эмоции персонажей, будто мои. Я помню основную линию, идею сюжета. Я знаю главную идею книги – и из неё вытекает основная линия сюжета. Хотя порою импровизирую, от неё отступая – и уже в процессе рождаются новые линии и герои, незапланированные, да и основная линия может вдруг изогнуться.

Напишу – и выдохну радостно. Пересчитаю, сколько страниц прибавилось. В следующий заход я просто вычитываю текст. И тогда у меня волосы дыбом встают. Потому что когда я его только пишу, мне не до грамотности. Там опечаток много. Но отдохнув, отключившись отчасти от переживаний героев, я уже вижу текст.

Я не запоминаю почти, какими словами пересказываю мои картины. Только лишь отдельные фразы, которые изредка заранее записываю, так как придумались вдруг не вовремя, когда в другом месте и чем-то другим вроде занята, но подходят к текущей книге, нравятся. Записываю, чтоб не забыть. Но в целом фраз не запоминаю.

Я просто помню сюжеты, сцены и чью-то другую жизнь. Почти как свою. Я с моими героями могу прожить множество разных жизней, побродить по тропам и перевалам множества миров. Это интереснее, чем компьютер и телевизор, поскольку герои делятся со мною своими жизнями и эмоциями, а ещё – я творю целые миры и от меня там многое за-

висит.

Особенно гладко они складываются, когда меня сносит на потоке вдохновения. Вот когда вдохновения немного или нет вообще, как-то с трудом все эти буквы в слова и фразы складываются. И не так красиво.

И текст потерять – это потерять эти фразы, эти кружева слов, эту музыку мыслей, это уже сложившееся гармоничное нечто, целую картину. Это больно. Это очень грустно.

Хотя, конечно, со мной ещё остаётся та картина, которая родилась внутри меня или пришла ко мне откуда-то извне. Осколок от целой картины. набросок, что ли. Силуэт. Мечта... но это только частичка истории. Основа. Да, у меня есть идея, есть карандаши... но картина цельная, готовая уже потеряна. И это больно. Хотя со мной и остаётся какой-то её осколок...

И то, что рождается потом, то, что я пытаюсь восстанавливать – уже не то, другое, как будто даже чужое местами.

Как... как, скажем, полюбить фиалку, конкретную. А она в твоё отсутствие высохла или вымерзла, если, скажем, дело было зимой. Ты приходишь – и почти ничего нет. Может, успеешь лист спасти или взять её родственницу, дожидаться, пока из сохранившихся в земле корней – если они сохранились – вырастет новый росток. И это тоже будет фиалка, но уже не та. Не та самая любимая. Другая...

Спасибо любимому миру, тому, в который я убегала в последние дни – он снова раскрыл мне свои уютные и друже-

любные объятия, помогая раствориться в нём и забыть о своём горе...

«Последний влюблённый» – отрывок 5

Но мальчик волосы успел свои собрать, схватить, поднять – бесшумно и её волос и головы не касаясь – свернул в жгут, на затылке в пучок собрал, да завязал одной из прядей, чтоб больше не падали, ей не мешали, да его не выдавали. И всё совсем беззвучно, даже одежда у него не шуршала, из мягкой какой-то материи особой сшитая.

А девочка смотрела на свои обломки так серьёзно и хмурилась, будто от её выбора зависела её жизнь.

Он, рукою взмахнув, поляну жестом широким обвёл, всю, даже повернувшись – не глядя себе под ноги, почти вплотную к сидящей, задумчивой девчужке, но, впрочем, её не задел и не упал, хотя раз на матовом белом камне поскользнулся. Он вмиг почти равновесие восстановил. Замер, вглядываясь в новую голограмму, появившуюся над его ладонью. На этот раз голограмма была широкая, большая. Сверху линия значков, под ними столбцы цифр.

Мальчик смотрел на цифры, смотрел на осколки камней на поляне, снова на цифры, на камни, что она отбирала сейчас, те, что выкинула сейчас, те, что выкинула прежде – он запомнил их всех, и как выглядели, и где упали – и на цифры, и опять на камни, прошедшие отбор.

Растерянности на его лице не отобразилось. Злости тоже. И даже интереса. Но он ещё внимательнее стал вглядываться в её движения, в то, как она их складывала и какие выбирала. Иногда.

Если бы браслет на его левой руке не пискнул, он бы так, может, до темноты простоял, глядя на неё. А она бы и не заметила его. Но браслет его запищал.

Девочка подскочила, обернулась.

Какое-то время, недолго, впрочем, они смотрели друг на друга.

– Кри, ты когда уже дойдёшь?! – голос прозвучал из браслета, тоже мальчишеский, недовольный.

– А что? – спросил владелец браслета тихо.

– Да где-то ты там застрял, – голос, звучавший из переговорника, стал ещё сердитей.

– Я тут... – он покосился на девчонку, внимательно подслушивающую чужой разговор, да быстро пошёл снова в лес, от неё подальше.

Вначале так и шёл, не оставляя следов ни на снегу, ни на земле. Потом вдруг приостановился, вспомнив. И, когда с поляны вступил на снег между стволов и узловатых корней, то там уже проявились следы. Но она, впрочем, вначале вглядывалась в его одежду и небрежную причёску, потому не заметила.

И, спиной от неё руку с браслетом прикрывая, голограмму вызвал, пустую, тёмную. Да пальцем на ней стал письме-

на выводить, следующего содержания:

«Прости меня, аини. Я извиняюсь за то, что задержался»

«Ты ещё не доделал?» – появилась строка уже не синяя, а белая.

«Я... – он замер на миг, потом всё же написал: – Я всё сделал»

«Почему тогда задержался?»

«Тут... – хозяин браслета повернулся, вновь смотря на поляну – незнакомка вернулась вновь к своему занятию, необъяснимому. Он спокойно вывел пальцем продолжение фразы:

«Тут дело появилось. Новое. У меня»

«Ты встретил кого-то из нашего дарина?»

«Нет»

«Из дарина чужого?»

«Нет»

«А сказать сейчас можешь, что там у тебя стряслось?»

Мальчик снова покосился на странную девочку. Ответил кратко собеседнику:

«Нет»

Но губы его дрогнули, как будто он говорил: «Просто это глупо. Занятие нелогичное. Бесплезное», впрочем, говорил, стоя к ней спиной, чтоб она движение его губ не видела.

«У моего хианриа секреты появились от меня!»

«Прости меня, Крис»

«Да ладно! Потом расскажешь, что у тебя стряслось? И чего ты вдруг такой таинственный, даже не встретившись ни

с кем из нашего дарина?»

«Может быть, потом расскажу» – написал он спокойно.

«Ладно тогда»

«Как ты?» – он спросил сразу.

«Никто не засёк. У нас теперь есть свой хартанир» – впрочем, эта синяя надпись едва появившись, тут же погасла.

Но собеседник успел прочитать. Написал невозмутимо:

«Это хорошо»

Чуть помедлив, уточнил:

«Скажи, я тебе срочно нужен?»

«Я подожду, если тебе нужно»

«Благодарю, аини»

«Повторяю: перестань звать меня аини! А вдруг кто-то увидит?! Запомни: ты – не мой хианриа!»

Отчаяние появилось на лице мальчишки. Он быстро вывел следующий вопрос:

«Но куда же мне теперь идти, Кристанран?»

«В тайное место. Как и договаривались» – ответили сразу.

«То есть, я смогу немного посмотреть на тебя перед уходом? Благодарю тебя, Кристанран!»

– Стой, перед каким уходом?! – спросил другой мальчишка уже вслух, громко и напугано.

«Ты меня выгнал» – написал мальчик.

– Когда это?! – потрясённый собеседник забыл про тайную вроде беседу.

Мгновение – и перед хозяином браслета появилась голо-

грамма – почти точно такой же мальчишка, в такой же почти одежде. Волосы чёрные, с синим отливом, длинные, у висков в несколько тонких косиц заплетены. Глаза такие же синие. Нет, немножко светлее. Очень взволнованный и расстроенный.

Девочка, собиравшая камни по непонятному принципу, оторвалась от своего занятия на крик.

Но тот, присутствующий рядом на самом деле, торопливо стукнул по браслету, услышав шорох – и скрыл голограмму собеседника. Успел скрыть, прежде чем она к ним повернулась.

«Только что» – написал он на вновь вернувшемся тёмном экране-голограмме.

– Эй, я тебя не выгонял! – раздался смущённый голос. – Ты всё не так понял!

Синяя строка новая появилась под белой, мигнула и исчезла:

«Я только просил тебя не звать меня аини, даже если знакомых рядом нет. Мы просто семья. Просто семья. Ты понял?»

Улыбка, широкая и счастливая, прошла по лицу собеседника, стоявшего в лесу.

«Прости, – написал он. – Я всё понял. Прошу прощения, что я ошибся. Снова нарушил твоё приказанье»

– Слушай... – голос вновь прозвучал – собеседник от волнения снова забыл, что он по какой-то причине скрывает их

разговор. – Это была просьба. Просто просьба!

«Прости меня, мой аини» – был ответ.

«Я тебя убью когда-нибудь!» – на этот раз синяя надпись задержалась надолго. И буквы были все крупные, даже слишком крупные, почти на всю голограмму.

«Ты имеешь право поступать со мной так, как тебе угодно» – был ответ белыми буквами, мелкими, чтобы не теснить крупную надпись-предостережение. Будто это помогло бы хоть сколько-нибудь успокоить сердитого собеседника. Хотя, может, и помогло бы.

Крупная надпись исчезла, освобождая место для продолжения беседы.

«Но ты дойди до места, когда освободишься. Чтоб хотя бы до темноты. Я хочу начать исследования»

«Я понял, а... – пальцы замерли над искусственным экраном, затем большой палец скользнул по строке, стирая последнюю букву. – Я вернусь до темноты»

«И они не должны тебя поймать» – напомнила новая синяя строка.

«Они меня не поймают, – пальцы снова замерли, чуть погодя Кри дописал: – Крис»

И сжал пальцами другой руки экран-голограмму, растворяя в своей руке.

Мальчик снова посмотрел на странную девочку. Та опять собирала что-то неизвестное. По своим каким-то принципам, явно не имевшим ничего общего с составом веществ и

их соединениями. По крайней мере, соединять то, что она выбрала, было бы неправильным: ни под давлением, ни в огне, ни с водой. Местами опасно даже. Но такие простые формулы безопасности ей обязаны были объяснить, прежде чем доверять вещества, природные и искусственные. Кстати, никакого соотношения между природными и искусственными камнями из тех, что она складывала перед собой, не было.

Кри всё-таки вернулся к ней, уже оставляя следы там, где шёл.

Не наступая, по её обломкам прошёл. Встал на пустом месте, свободном.

– Ты... – начал, привлекая её внимание.

Она хоть и не сразу, но на него взглянула. Как-то даже растерянно. Будто впервые увидала. Будто начисто забыла и то, что кто-то был здесь, и то, что скрывал от неё какой-то разговор.

– Ты что делаешь? – спросил мальчик, не выдержав.

– А, это... – она смущённо нос потёрла, потом улыбнулась радостно. – Картину.

– Картину? – Кри подался вперёд, снова вглядываясь в то, что девочка сложила, потом выпрямился, возразил спокойно: – Но здесь не видно силуэтов.

И, с некоторым опозданием, на его лице появилась растерянность.

– И узора нет.

– А и не надо, – она улыбнулась, пригладила свои рыжие

волосы, чуть встрёпанные.

– После прикосновения к тому бордовому камню нельзя трогать кожу, – заметил мальчик.

– А, точно! Это ж пралмартан 7807ан7

– Пралмартан 7807ан8, – серьёзно исправил он.

Она задумчиво взъерошила волосы, глядя на обломок камня.

– Ай, точно! – восхищённо взглянула на него. – Как ты хорошо разбираешься!

Кри подошёл совсем близко, не наступая, впрочем, ни на камни, ни на её странную картину.

– Нейтрализатор ар78 или па9нанб у тебя есть?

Она протянула к нему ладони. Мальчик вначале недоумённо посмотрел на них, потом запоздало понял, что её руки покрыты тонкой плёнкой, чуть отдающей сероватой, металлической пылью, когда на них падали солнечные лучи.

– Но у тебя па9нан7!

– Зато он быстрее реагирует!

– А, верно, – уже смущённо отозвался он.

Какое-то время они молчали. А она подобрала ещё семь пластинок из кристаллов и выкинула тридцать семь.

– Просто все нанб у нас дома закончились, – призналась девочка, вздохнув. – Я и взяла этот.

Чуть помолчав, он спросил:

– А разве у тебя нету гена устойчивости к новым искусственно-природным соединениям?

Собеседница вздохнула, тяжело, потом сердито волосы свои растрепала – и те в солнечных лучах блеснули так, что он подумал, будто те загорелись.

Руку протянул к её голове, начавшую мерцать красным цветом, с синими редкими всполохами и едва приметными искрами.

– Какая смесь! – восхищённо вскрикнула она, схватила его руку, вглядываясь в неё.

А он запоздало понял, что незнакомка всё-таки не горит. Вообще не загорелась. Просто у неё такие волосы. Редкий, кстати, оттенок. Только...

Кри улыбнулся – он наконец-то понял, кем эта девчонка может быть.

И руку забрал, убрав всё, что внимание её привлекло, сделал вид, будто стряхивает на землю что-то с ладоней, тщательно протирает их.

Но она что-то заподозрила.

– У тебя... – прищурилась. – Ген какой-то, каменный?

Мальчик промолчал. Ни к чему ей знать. Спросил, отвлекая:

– Так... что ты делаешь?

– А тебе интересно?

Невольный свидетель кивнул. С серьёзным таким лицом.

– А, я тогда покажу. Постараюсь закончить быстрее! – девочка радостно улыбнулась. – Меня, кстати, Лерьерра зовут. А ты?..

А он промолчал.

А она вдруг улыбнулась, хитро-хитро. Сказала радостно:

– А, вспомнила! Друг тебя Кри назвал! Но, кажется, это упрощённое твоё имя, – нахмурилась. – А полное не скажешь?

– Нет.

– Вредный ты! – Лерьерра обиженно выставила вперёд нижнюю губу.

Но почему-то тут же заулыбалась снова:

– Странно, что тебе это так интересно. Никому другому не интересны мои картины. Отец ворчит, что я зря перевожу вещества. Что некоторые после уже невозможно использовать.

– Только после долгой, сложной обработки, – возразил мальчик.

– А, точно! – девочка взглянула на него, прищурилась. – А у тебя родители в дарина каком-то работают? Или ты сам интересуешься веществами?

– Я... – Кри надолго задумался, потом ответил: – Сам.

– А ты какой-то не очень разговорчивый, – добавила Лерьерра спустя время, не дождавшись никаких новых вопросов, тем более, вопросов про неё саму.

– Наверное, так, – ответил мальчик серьёзно.

Присел, где не лежало её камней. Долго смотрел. Она уже сама поднялась, подвигалась, тело затёкшее разминая, по-приседала.

Наконец, разминку продолжая, серьёзно спросила:

– А у тебя ещё ничего не болит?

– А, да, – сказал Кри запоздало, – что-то и у меня тело затекло.

Встал резко и стал повторять движения вслед за ней.

Потом она долго сидела и собирала камни. Вроде непонятно. Хотя Кри наконец-то понял, что совсем непрозрачных она вообще не берёт. Но всё равно не понял, зачем ей совсем прозрачные и полупрозрачные.

Она иногда поднималась, размять ноги спину, руки. И он поднимался почти сразу же за ней.

– Ты так внимательно смотришь! – выдохнула она изумлённо потом.

– Мне интересно, что ты делаешь, – ответил невозмутимо Кри.

– Правда? – она радостно заулыбалась. – Как здорово! Наконец-то кому-то хоть что-то во мне интересно!

– А что... ты не из успешных детей?

– Я... – Лерьерра смутилась, потом грустно призналась: – Почти. В веществах я разбираюсь сама, – вздохнула. – Но так-то... я естественно зачатая. Мама меня сама выносила. И родила без вспомогательных веществ, когда я уже созрела и готова была выйти. Потому и генов усиленных у меня мало.

– И даже... естественно зачатая?

– Ага, – смущённая улыбка. – Зато редкая! Хоть в чём-то отличилась, да?

– Да, – кивнул серьёзно её собеседник.

Чуть помолчав, девочка грустно призналась:

– И, кажется, они не планировали меня родить. Но я всё равно случилась в их жизни. Знаешь, я иногда боюсь, что я им как обуза. Но я уже наполовину выросла, так что скоро уже уйду от них – и не буду их отвлекать, – тяжело вздохнула. – Они, знаешь, у меня работают в дарина!

– Странно...

– Что странно?

– Что люди из дарина сделали незапланированного ребёнка. И, кажется, даже потом не сделали твои слабые гены сильными.

– Просто... может... – она вдруг всхлипнула. – Некогда, может, им было?.. Они в списке наастрани!

– А чем они занимаются? – заинтересовался мальчик.

– Исследуют кианинов.

– Вот как... – он как-то вдруг прищурился.

– Вот сегодня, например, они улетели на Притарил. У них там серьёзная конференция, – Лерьерра скорчила такую гримаску, будто её сейчас мучали, – обсуждают всякую ерунду. Вроде того, может быть у кианинов своя душа или нет?

– А... – мальчик запнулся. – А что там говорят? У кианинов... душа есть?

Он внимательно следил сейчас за нею. За каждым её движением. За её голосом. За её сердцебиением, которое слышал, вслушавшись и следя, как вздымалась её худенькая по-

ка грудь при дыхании.

– Говорят обычно, что у них только есть артэа, – девочка задумчиво поковыряла нос.

Хотела и глаз согнутым пальцем протереть, но Кри её руку перехватил. Сказал серьёзно:

– Глаза трогать не надо. Они – слишком чувствительный орган для того, чтобы касаться их или области вокруг после прикосновений к искусственным веществам, особенно, седьмой линии лаэрда.

– Ой, да. Прости, – она вдруг сжала его руку другой своей, свободной, даже камень подобранный выбросила ради этого. – Благодарю! Ты, кажется, спас меня!

– Кажется или спас?

– Это... да что ты к словам придираешься?

– Так... наверное, придираюсь, – отозвался он растерянно и погрузнел. – Прости.

– Но ты меня спас, – Лерьерра снова улыбнулась.

И наконец-то его выпустила – и он руку за спину убрал.

Какое-то время она снова собирала свою странную картину.

– А ты как считаешь: у кианинов есть своя душа? – спросил вдруг Кри. – Или души бывают только у разумных существ, хоть немного причастных к Дикой Природе?

– Снова ты о кианинах! – проворчала девочка. – Такая скучная тема!

– Ты из тех, кто считает использование кианинов нераци-

ональным? Или из тех, кто их боится? Или у вашей семьи нет возможности получить своего? Или вы принципиально отказываетесь их использовать?

– Я... – она задумчиво волосы себе встрепала – и блеснули пряди на солнце.

Нет, не загорелись – он запомнил.

– Не люблю я кианинов, – проворчала девочка.

– Ты... – Кри прищурился. – Считаешь, что у них нет своей души? Что они опасные?

– Обычно говорят, у них есть только артэа. Хотя некоторые говорят, что артэа кианина и натуральные человеческие души очень сильно отличаются.

– Нет! – резко сказал мальчик. – Сама ты что думаешь о кианинах? Они опасные? У них есть душа или нет?

– Тебя интересует тема кианинов и людей? – Лерьерра скорчила такое лицо, словно он её резал или поджаривал, медленно.

– Интересует, – ответил мальчик серьёзно.

– А почему?

– Это... – начал Кри, а продолжил с некоторым опозданием: – Интересная тема. Близкая к актуальным сейчас научным исследованиям и достижениям. Тем более, что точное количество систем, населённых цивилизациями Иных, до сих пор людям не известно, включая степень развитости их умов и технического прогресса.

– А ты сам-то что думаешь про кианинов? – она вдруг

улыбнулась, удивляя его своей резкой сменой настроения.

– Польза от них есть, – серьёзно ответил Кри.

– Что, даже от связи аини и хианриа? Ты так считаешь?!

– А... чем тебе не нравится, что есть такая связь между кианинами и некоторыми людьми?

– Просто... если что-то случится с кианином, то его аини будет больно. Люди... – шумно выдохнула. – Люди привыкают к тем, кто долго находится рядом с ними, особенно, если в бедах больших помогает. Тем более, я читала, сколько было случаев самоубийств после гибели хианриа у аини. Цифры, знаешь ли, до принятия ужесточения «Контроля за численностью кианинов и их ролью в нашем мире», ужасающие. Даже при том, что многих из этих глупцов аини сумели спасти. Так что я считаю...

Кри резко её перебил:

– А его хианриа разве не будет больно, если с аини что-то случится?

– Так ведь... кианин же притворяется! Кианины сами ничего не чувствуют. Многие исследования это доказали. Поэтому большинство исследователей утверждают, что у кианинов нет своей души! А, если артэа совсем не является идентичным натуральным человеческим душам, то правильнее утверждать, что кианины относятся к бездушным разумным существам! И только лишь побочной, эволюционно неудачной ветвью человеческого рода. Да, впрочем, я всегда говорила и буду всем говорить, что кианины – не люди!

Нельзя к ним относиться так же, как и к людям.

Кри шумно выдохнул, нахмурился. А Лерьерра продолжила, на него не глядя:

– Но ведь это же... глупо? Считать кианинов за людей? Переживать за них так, будто это люди? Будто им бывает больно по-настоящему!

– У них идёт кровь, если порезать тело. Даже... иногда слёзы текут.

– А вдруг... вдруг это тоже притворство? Просто слаженная работа многочисленных имплантатов. Только подобие химических реакций в искусственно созданном теле. Вот ведь даже... кианинов использовали для секретных операций... и люди не всегда могли понять, что вот этот коллега или соперник – кианин. Значит, кианины очень хорошо могут притворяться людьми, если им это понадобится!

Девочка вдруг поднялась, поёжилась. Произнесла сердито:

– Ненавижу кианинов! И что мои родители так с ними возятся?! Я и не вижу их почти! Но я-то пока живая! Я же скоро вырасту и уйду! Я... я уйду далеко от них! – головой замотала. – Только бы не видеть их... далеко-далеко! Я... – и вдруг заплакала. – Я так скучаю! Мне их так не хватает... порою... до слёз. Зачем им кианины? Всё равно все кианины им принадлежать никогда не будут! Но... кианины дольше живут... дольше сохраняются... а я... – грустно на руки посмотрела свои. – А я человек. Просто человек. Только приророждён-

ная. Мне бывает больно. Кианинам – нет. У кианинов кроме мозгов и ума ничего нет. Но мне... – стукнула себя по груди кулаком. – Мне-то больно!

Кри смотрел на неё как-то странно. То злость появлялась на его лице, то боль. Он в какой-то миг сжал рубашку над сердцем. Поморщился.

– Ты чего это? – заметила девочка, испугавшись сразу за него. – Где болит? Сильно?

– Не знаю... – сдавленно выдохнул мальчик, продолжая судорожно сжимать рубашку. – Где-то здесь... вроде сердце... как-то вдруг заболело.

Она подошла, сжала его другую руку, пульс прощупывая.

– Сердцебиение... неровное, – сказала растерянно. – Ой, пойдём со мной. Моя птица рядом, – и осторожно потянула за собой.

– Н-но... твои камни... – Кри покосился на её странную картину. – Они тебе дороги.

– А!

– Ты старалась... что-то сделать.

Лерьerra вскинула над головой другую руку. Сверкнул, проявляясь на ней, тонкий браслет, узкий, да редкие кристаллы на нём. Кусочки камней – и сложенных, и валяющихся – поднялись в воздух, соединились в кучу, поплыли за нею, медленно, пока она увлекала Кри за собою, к деревьям.

Он сразу не придумал, как отделаться от неё. Пока позволил ей увлечь его за собой.

А рядом за поляной и другая была, ещё больше. Он не заметил, так как пришёл с другой стороны. И на ней стояла, поджидая хозяйку, большая птица из светлого металла. Лерьерра вскинула свободную руку ко лбу. И искусственная птица пасть открыла. И девочка мальчишку утащила в клюв. А оттуда – в живот. Небольшая, уютная комната для отдыха и еды. Узкий коридор. Отсек для нужд. И вот они уже в голове, в комнате пилота.

Стены птицы стали вдруг прозрачными, открывая лес. Лерьерра осторожно усадила Кри в кресло рядом с креслом пилота.

– Камни снаружи забыла, – напомнил тот.

– А! – отмахнулась девочка. – Ты важнее, – он вдруг широко улыбнулся. – Как ты? – склонилась над ним, в глаза ему заглянула, выдохнула растерянно: – А чего это ты такой радостный? Тебе же плохо.

– Просто... – грустная улыбка. – Ты сказала, что я важнее твоих камней.

– Ну, естественно! – проворчала хозяйка птицы. – Люди важнее вещей! Я так считаю! И животных важней! И кианинов!

– Кианины... – внимательный взгляд. – Ты их относишь к животным или к вещам?

И снова тихие будни

Через пару дней пошли слухи, что к нам в универ перевёлся китаец. Студент по обмену. Говорили, что стрёмный парень с шипастой серьгой в ухе. Я мысленно вздохнула и подумала, что Лерка пропала. Когда она его увидит...

Кстати... раз уж зашла речь о китайцах.

Моя лучшая и единственная подруга – дорамщик. Махровый. Короче, в той степени, когда это уже неизлечимо. Она топится в корейских исторических дорамах с перерывами на современные японские и, иногда, вприкуску берёт китайские приключенческие уся, также подгрызает тайские лакорны и, совсем редко, индийские сериалы. Короче, как я топлюсь в своём фэнтези, так и Лера топится в каких-то дорамах. В принципе, если уж на то пошло... мы обе постоянно топимся в искусственных мирах. Просто, в разных.

И, наверное, вряд ли эта махровая дорамщица спокойно мимо натурального азиата пройдёт.

После пары мы с подругой пошли в столовую. Там нашли Виталика. Наш общий друг – сплетники иногда со скуки спорили, чей же он таки парень и с кем спит, со мной или с Лерой – надувался пепсиколой. Хотя, судя по его лицу, отсутствующему уже взгляду и подозрительному запаху, прирешанному к лимонаду, в бутылке было что-то помимо пеп-

си. Рыжевласая поклонница азиатского кинематографа тщательно оглядела всех присутствующих в столовой – и сидящих, и ждущих в очереди – и, погрустнев, видимо, уже слышала, но здесь не нашла того новенького, повернулась уже к нашему приятелю.

– Ну, чё нового? – задала Лера традиционный наш вопрос.

Виталик сказал что-то неопределённое. Странно.

Кстати, если совсем уж честно...

Виталий тоже пропадал солидную часть своей жизни в искусственных мирах. В тех, которые называли компьютерными играми. Он был заядлый игрок, почти что наркоман. Вот как я не могла жить без моих историй и помидор, а Лерка – без дорам, так и Виталий не мог жить дольше месяца без какой-нибудь новой игрушки.

Нас, кстати, прозвали лунатиками. Всех троих. За наши сонные лица и порою отсутствующий взгляд – когда сознание опять купалась в неведомых каких-то чужих мирах – а также за присущую нам некоторую рассеянность, когда мы снова были чем-то увлечены. Хотя, слышала мельком, сплетники таки считали, что кто-то из нас с кем-то таки спит, потому мы такие заспанные и вялые на парах, что вместе ночами не спим. Хотя, опять-таки, никак не могли выбрать, с кем же был Виталий – со мной или с Лерой?.. Или с обоими?.. Раз уж мы постоянно держимся все вместе?.. ЖМЖ – это очень пикантная сплетня для обсуждений, долгоиграющая интрига отношений, более острая, чем обычный и древний

как мир любовный треугольник.

Но у нас был свой собственный клан. Клан странников по неведомым мирам. Мы поддерживали друг друга. Спасали. Безбожно списывали. Достали маячить своими тремя сонными и нагло-невинными физиономиями перед заведующими кафедрами и ректором, к которым нас учителя вначале таскали, пока ректору на наши физиономии смотреть вконец не надоело. Кажется, на нас уже махнули рукой и ректор, и препода. Кроме сплетников – тем всегда было до всего дело. Но, к счастью, мы с ними жили в мирах, которые почти не пересекались.

Мы наспех что-то съели. Лерка ушла в мобильник – читать новости о звёздах Дальнего Востока, причём, мужского пола и непременно молодых, заодно и шуршала по группам и сайтам любимых фансабберских групп, просматривая, к каким дорамам они успели перевести новые серии.

Виталий тоже притих, призадумался. Сидел такой, напрягшийся, с мрачной физиономией. И, кстати, от обеденного перерыва ещё много минут оставалось. Нет, нельзя выкидывать в трубу такое драгоценное время!

Лапки мои потянулись в сумку, к лериному подарку. Да, я боялась таскать его с собой и посеять, но этот блокнот, новенький, в твёрдой обложке, под старинную книгу... он меня манил, короче говоря.

И я отдалась его соблазнительным страницам, взяв на вооружение запасную гелевую ручку – уже из моих припасов.

Достойный материал требует подходящего почерка, самого парадного из всех моих почерков, неторопливого...

«Последний влюблённый» – отрывок 6

– Я... – девочка нахмурилась. – Слушай, тебе плохо сейчас! Чего нам обсуждать всю эту глупую теорию? Давай я тебя к тари подключу.

Он дёрнулся:

– Не на...

Но серебристый жгут уже обернулся вокруг его левой руки. Кри поморщился. По лбу у него пот побежал.

– Сердцебиение в норме, – сказала Лерьерра, глядя на появившуюся голограмму с отчётами. – Так, сердце... нарушение в ритме и физических повреждений нету. Врождённых нарушений не вижу или их уже исправили. Лёгкие в норме. Желудок тоже. Пища уже переварилась, давно. Кишечник чист. Отравлений нету. Органы другие в порядке. Состав крови приемлем. Разве что... – она подалась вперёд, будто хотела разглядеть данные обследования получше.

– Разве что? – спросил Кри, напрягшись.

Инъэй-но Кэйдзи («Откровения Тени») – 2

17-я запись 17 апреля 2007

О, поведайте мне,
где убежище горного вихря,
что весенней порой
оголяет цветущие вишни, -
я пойду к нему с укоризной...
(Сосэй)

Апрель...

Кажется, я жуткий неудачник...

Наш класс выбирался на пикник, полюбоваться цветущей сакурой. Все приготовили еду, староста и ещё шестеро одноклассников придумали конкурсы и ещё какие-то забавы. Всё как обычно?.. Отнюдь.

Вы все в курсе – ну, кто-то из вас наверняка уже интересовался этой темой – что метеорологическое управление Нихон ежегодно составляет прогнозы цветения сакуры по всем регионам страны, от острова Кюсю до побережья моря на острове Хоккайдо. С 1976 года делался прогноз сроков цветения сакуры для Токио и центральных регионов. С 1980 – уже для всей Японии.

Так что наши староста и учитель вооружились сводками прогноза и выбрали день.

Но что-то в прогнозе сотрудники метеорологического управления напутали. Поэтому, когда мы приехали, то цветы с деревьев уже облетали. Хм, с треть или с половину цветов уже облетело.

С другой стороны, мы всё же насладились тем, как ветер срывает и гонит лепестки цветов. Стаи лепестков... целые облака... земля была припорошена ими, будто снегом, только снег тот не таял и имел аромат цветов...

День был ветреный, мы долго там не смогли пробыть – замёрзли все – соответственно, о запланированных развлечениях и речи не шло.

Но сакура-фубуки в тот день явилось в своём тоскливом и трагичном великолепии. Глядя на осыпающиеся лепестки, разносимые ветром, на холмики белого или нежно-розового снега из цветочных лепестков, учитель процитировал стихи, где цветочная метель символизировала смерть молодых самураев. А кто-то из одноклассников испортил прелесть момента любования облетающими цветами и красотой стихов замечанием, что осыпающаяся сакура символизирует провал на экзаменах, так, неужели, мы все или большинство завалим наши экзамены?..

Короче говоря, настроение он испортил всем. Даже учителю, который так старался подобрать стихи для украшения поездки и любования цветами.

А того сотрудника, напутавшего с прогнозом, говорят, уволили. Если не врут, то мне его жаль.

Комментарии:

9:53 – Модератор:

Хоть говорят:

«Не уходи, помедли»,

Весну не удержать.

Прощанье

Так печально...¹

10:06 – Амэ:

Ах, если б

Рукавами землю укрыть,

Чтоб ветру

Не достались

Лепестки.²

10:36 – Инъэй:

Не успеть наглядеться –

Опадают

¹ Автор стиха неизвестен. Цитировано с книги «Диалоги японских поэтов о временах года и любви. Поэтический турнир, проведённый в годы Кампё (889-898) во дворце императрицы – М.: Наталис; Рипол Классик, 2003. – стр 47

² Автор стиха неизвестен. Цитировано с книги «Диалоги японских поэтов о временах года и любви. Поэтический турнир, проведённый в годы Кампё (889-898) во дворце императрицы – М.: Наталис; Рипол Классик, 2003. – стр 39

У вишни цветы,
Покрытые дымкой весенней.
Рыдает соловей.³

10:56 – Модератор:

О, нет, ничто
С весною не сравнится.
И если б знать,
Как время это
Навсегда продлить...⁴

(Это другой модератор. Простите, не удержался. Тоже захотелось сказать стих)

11:26 – Кимэн:

Ах, если бы не аромат
Цветов опадающей сливы...
Тогда б подумал,
Что и весной
Кружится снег.⁵

³ Автор стиха неизвестен. Цитировано с книги «Диалоги японских поэтов о временах года и любви. Поэтический турнир, проведённый в годы Кампё (889-898) во дворце императрицы – М.: Наталис; Рипол Классик, 2003. – стр 40

⁴ Автор стиха неизвестен. Цитировано с книги «Диалоги японских поэтов о временах года и любви. Поэтический турнир, проведённый в годы Кампё (889-898) во дворце императрицы – М.: Наталис; Рипол Классик, 2003. – стр 46

⁵ Автор стиха неизвестен. Цитировано с книги «Диалоги японских поэтов о временах года и любви. Поэтический турнир, проведённый в годы Кампё

11:28 – Амэ: Кимэн, у тебя стих не в тему! Испортил всю красоту!

11:36 – Кимэн: Чего прицепилась?! У вас стихи. И я тоже сказал стих. Поддержал беседу.

11:45 – Амэ: У нас стихи на тему тоски по уходящей весне. А ты перешёл на другую тему. Ты стал сравнивать облетевшие лепестки со снегом. Вдобавок, у нас речь шла о вишне, а ты стал говорить о цветках сливы.

11:50 – Кимэн: У вас стихи о цветах. У меня стихи о цветах. Что прицепилась?!

11:56 – Амэ: Кстати, слива зацветает раньше сакуры. Ты ещё и по времени перешёл, назад. Не по очереди. Ты не понимаешь поэзии.

11:59 – Кимэн: Я не понимаю тебя, Амэ. А ты, вдобавок, жуткая зануда.

00:02 – Модератор: Кимэн забанен на день. За хамство пользователю Амэ.

00:04 – Инъэй: Эх, Кимэн! Ты испортил красоту момента! Мы так здорово читали стихи, а ты затеял ссориться с Амэ. Ещё и бан получил.

00:06 – Амэ: Да, мы так красиво начали читать стихи...>
<

Но у меня такое ощущение, что маска чёрта⁶ ещё вернёт-

(889-898) во дворце императрицы – М.: Наталис; Рипол Классик, 2003. – стр 20

⁶ Ник Кимэн – ## – записывается иероглифами «маска чёрта».

ся.

00:09 – Модератор: А я в этом уверен. У него ещё не исчерпался запас банов и предупреждений, после которых его IP заблокируют насовсем.

00:12 – Инъэй: А вдруг он больше к нам не придёт? Он же тоже старался сказать стихотворение, а Амэ сделала ему замечание. Может, он теперь на нас обидится.

00:14 – Амэ: Но он сказал не по теме!

00:16 – Модератор: Я уверен, что Кимэн ещё вернётся. Я его уже не в первый раз баню, но Кимэн всегда возвращается. Вот увидите.

Глава 3

Погода испортилась внезапно. Где-то в семь я уже была дома после занятий – и бабушка, у которой с утра было плохое самочувствие, попросила меня сходить в магазин. Дедушка «остался её разговаривать». Бабушка разговаривалась неохотно и страдать собралась долго и всерьёз, так как в одной из её любимых газет как назло на этот день обещали магнитные бури и возможное ухудшение здоровья у метеозависимых людей. Ладно бы новости – там тоже предупреждали, и их ещё можно было прослушать. Но газету она требовала покупать ей еженедельно, все даты грядущих магнитных бурь запоминала и готовилась к ухудшению самочувствия. Что там больше было виновато – магнитные бури или мощное самовнушение – не знаю. Да и моё мнение в этом вопросе не учитывалось.

В общем, доверив страдающую и готовящуюся страдать ещё больше бабушку дедушке, я выкинула из сумки учебники и тетради, вооружилась тысячной деньгой из боезапасов дедушки и отправилась в магазин.

Выходила – светло ещё было, светило солнце. Светлые дни начала осени.

Но радость мою омрачил резкий порыв ветра, от которого едва не сдуло мою юбку – и спешно уцепилась за неё, придерживая. К счастью, не успела обнажить невольным зрите-

лям всё самое сокровенное. Но страх нарваться на очередной коварный порыв ветра остался. Здорово, что в кармашке сумки завалились две заколки-крабика: радостно защемила ими свободную часть юбки в большую складку. Всё, теперь не сдует.

Ветрюга быстро надул серые облака. Эх, как бы успеть до дождя. Зонтик как назло захватить не додумалась – с утра ничто не обещало дождя. Даже новости. А то бы меня бабушка ещё с утра предупредила и сейчас перед выходом очередным повторила. Как будто я не запомню. Хотя...

Ценимых бабушкой молока и масла в одном магазине не оказалось. Так что я решила сходить в следующий. Бодро вышла на улицу – и попала под дождь. Уныло сунулась внутрь. Но там и так народ активно скапливался, без зонтиков.

– Может, пройдёт? – сказала усталая, полная женщина в ядовито-красном пальто.

– Синоптики не обещали, – проворчала худосочная пенсионерка в тусклом платье и ещё более тусклой шерстяной кофте поверх него.

Ох, сейчас начнётся! Как всегда начнут с ближайшего повода, а закончат политикой. Слушать это неохота. Да и я и так уже мокрая, если так подумать. Чего уж бояться?

И быстро выскочила на улицу. Вода хлюпала в босоножках, поскольку стелька была скользкая. И быстро идти не удавалось. Вздохнула и пошла медленно. Когда перестала злиться, то дождь оказался не таким уж и плохим. Приятным

даже метами оказался. Как прохладный душ. Ещё не ледяной. И чудно.

Людей на улицах почти не осталось – дождь разогнал почти всех по домам, остановкам, магазинам и козырькам домов. Обычный осенний день с дождём. Не слишком холодный, чтобы озябнуть и замёрзнуть. И как-то не думается особо, что от прогулки под дождём можно легко заболеть. Так, мелькнула мысль случайно и утекла со струями воды, омыть грязь с асфальта и уносить её в прорези решёток люков в глубину земли.

День был обычным. И даже моё отношение к дождю не нарушало этой обычности. А мне вдруг захотелось чуда.

– Чуда бы хоть какого-нибудь, – невольно высказала вслух.

Сильный порыв ветра подтолкнул меня в спину. И, не удержав равновесие, упала на асфальт тротуара. Часть продуктов высыпалась – за выпавший батон из мешка было особенно обидно, так как тот целлофановый пакет не был завязан – и тесто замочилось грязной водой. Да ещё и руки об асфальт разодрала. Эх, ну, хотя бы основная часть продуктов в упаковках. Вот, горошку зелёному в жестяной банке ничего не сделается.

Уныло промыла ободранные руки под новыми потоками воды с неба. И потянулась за банкой томатной пасты. К счастью, сегодня не оказалось стеклянных в магазине. А то стекло бы вдребезги и, может даже, я бы на него напоролась, вы-

мазавшись в пасте и собственной крови. Но заметила какое-то яркое пятно перед собой, в том направлении, куда меня толкнул было ветер.

Девушка в промокшей шали из разноцветных лоскутов, в светлом платье, с лёгкой сумкой белой и с зонтиком, разрисованным под кусочки разноцветного материала, брела по тротуару передо мной, почти уже у небольшого перекрёстка. Девушка была необычайно яркая, разноцветным пятном выделялась на фоне тусклых стен и грязного, тёмного, старого асфальта на тротуаре, чуть более тёмного – на проезжей части. Она выглядела необычайно красивой. И забыв о боли в ободранных ладонях и коленях, я на какой-то миг залюбовалась ею, подрагивающим в её руке разноцветным зонтом и концами тонкой шали, которую пытался трепать ветер.

Есть что-то завораживающее в людях в яркой одежде, особенно, в те дни, когда природа лишена тусклых красок, а люди упорно прячутся в тёмное и блёклое. Да и в яркий день всё равно от стильно и ярко одетых людей вокруг становится настроение более ярким. Хотя я редко решалась одевать яркое. А эта женщина, кажется, молодая, не боялась превратиться в пятно света. Нет, даже огня – красные кусочки были и в лоскутах шали, и на зонте, будто разрисованном. А может, и вправду разрисованном? Да, пожалуй. И у шали, и у зонта была какая-то гармония цветов и их оттенков между собою.

Помню, Лера иногда вслух даже восхищалась красиво

одетыми женщинами. Я так не решалась. Я просто смотрела, как лица незнакомых растерянно вытягивались или как радостно загорались их глаза от похвалы и чьего-то восхищения. Помнится, Лера похвалила цвет футболки одной девушки, бирюзовый, очень идущий к её глазам, кажется, серым, но на фоне ткани такого цвета приобретающим оттенок синеватой зелени. И девушка расцвела от нескольких слов. И упорхнула со светящимися уже глазами.

«И не боишься ты обращаться к незнакомым людям?» – спросила я у подруги.

«Ещё боюсь, – девушка хулигански улыбнулась, – местами. Я просто подумала, что люди бывают так красиво одеты, что глаз радуется на них смотреть. И я решила попробовать говорить им это»

И она пробовала, училась открываться людям и заговаривать с ними хотя бы иногда. Странная практика. Хотя, нет, пожалуй, я ей в чём-то даже завидовала. Я боялась, что люди не поймут, если незнакомая я вдруг заговорю с ними. Да и зачем мне лезть в их жизнь со своим мнением? Да и Лера сказала, что её не все понимали.

На ту женщину налетел особенно сильный порыв ветра, когда она достигла перекрёстка. Шаль она подхватила рукой, удерживая. А зонтик, пользуясь тем, что она не смотрит туда, ветер вырвал и понёс через пустую дорогу, к другой стороне.

Взметнулись концы мокрых волос. Рыжих. Девушка растерянно замерла. Ох, это же Лера! Какая она сегодня краси-

вая!

Зонт, вырвавшись, перелетел над перекрёстком, над красной иномаркой, дальше полетел на следующую улицу.

Два парня, идущие по той стороне, по тротуарам с разных сторон перекрёстка, замерли, заметив яркое пятно, прокатившееся по воздуху мимо них. Растерянно проследили взглядами за улетающим зонтом. Потом оба рванули за ним вдогонку, по разным сторонам дороге.

Они добежали почти одновременно, скользнули на дорогу. Парень в толстовке со стразами, прячущий лицо под капюшоном, быстро огляделся, нет ли машин – я успела заметить глаза с однослойным веком и концы чёрных волос – и только тогда побежал на дорогу. А тот, второй, кинулся, не оглядываясь даже, будто ничего не боялся. Или позабыл обо всём.

У зонта они оказались вместе, оба протянули к ручке руки. Оба, заметив чью-то чужую руку, растерянно подняли взгляд на её обладателя. Увидели лица друг друга. И застыли. Пальцы у русского дёрнулись. Он убрал руку и отступил на шаг. И, пользуясь его замешательством, азиат поднял зонт и, крепко сжимая ручку, выпрямился. И обернулся посмотреть туда, откуда он мог прилететь. А русский проследил за ним взволнованно, обернулся.

И я запоздало узнала в нём нашего Виталия. Только не поняла, что это у него вид такой. Вот, он отступил. На тротуар. К столбу. И в фонарный столб вцепился, нашарив его, не гля-

дя, словно ослепнув вдруг. Словно призрак вдруг увидел.

А второй парень подошёл к Лере, зонт ей протянул. Я сейчас не видела его лица. Только чёрную толстовку, на которой стразами была выложена фигура в балахоне с мечом и хищная оскалившаяся морда чудовища за нею – то ли приятель стрёмный, то чудище сожрать балахонистого хотело. Джинсы узкие на худой фигуре, чёрные, да белые кроссовки.

А ещё я видела растерянное лицо Леры. Она как-то очень пристально в того всматривалась.

Парень молча зонт ей протянул. Она что-то сказала, тихое, смущённо. Он вверх руку поднял, левую, взмахнув ею. И ушёл уже по этой стороне, удаляясь от подруги и от меня. А тот, заробевший, вздрогнув, взгляделся в лицо рыжеволосой девушки. И, задрожав, ещё на шаг отступил, от столба. И, прежде чем она голову повернула, сжимая едва не потерянный, но вернувшийся зонт, повернулся к ней спиной и сбежал.

Или то не наш Лий был? Наш-то общий друг от Леры ни разу так не шарахался. А этот какой-то странный парень. Да не, с чего я вообще решила, будто там был наш Виталий? Я же далеко от них была, да и он сдрапал быстро. Могла перепутать лицо. Тем более, Лий – его так наша любительница дорам с чего-то прозвала, а он и не воспротивился – лицом самый обычный. Таких парней во всей России пруд пруди. Могла и спутать. Точно, спутала.

Но вот Лера... она стоит, судорожно сжимая зонт, да так

долго смотрит вслед уходящему азиату. Вот, тот уже смазался в одно тёмное пятно на горизонте, на фоне серого неба и дождя, а девушка всё стоит и смотрит на его спину.

А потом вдруг и вовсе сложила зонт, мрачно защёлкнув, надавливая руками, торопливо ремешком на липучке обернула, скрепив. И вслед тому азиату кинулась. Он уже далеко ушёл. Мне уже и не видно его. А она видела. Или же сама не видела, но просто догнать хотела.

Тьфу, странные они все какие-то сегодня, что Лера, что Лий. Если это наш друг. Хотя я уже сомневаюсь.

Со вздохом сгребла продукты в мешок. К счастью, целый, а то запасного у меня не было. И батон сгребла. Подсушу – и птицам отдадим.

И грустно вслед посмотрела яркому пятну, растворяющемуся на горизонте. Обрывок чьей-то истории. Возможно, она станет красивой. Хотя, может, Лерка достанет того несчастного. Если вообще добежит до него. Но сцена яркая, как в драме. Впрочем, не в моей. Тоскливо.

Поднялась, потёрла спину рукой свободной. А ничего. У меня своя драма, книжная. И я там с моими героями могу сделать всё, что хочу.

Задумчиво домой побрела.

Хотя... не всегда. Не со всеми историями. В некоторых я могу верховодить как демиург, вертеть сюжетом, куда хочу и как хочу. Но... есть у меня одна история, странная. Я её просто вижу. Просто приходят картины, рождаются где-то

внутри меня, проходят перед внутренним взором. Я просто их записываю. Я в той истории никогда не задумываюсь, что, может, взять и повернуть героев по жизни в другую сторону? Они просто приходят. А я записываю их историю. Она приходит отрывками. Яркими картинками, единичными. Я не вижу её целиком и сразу. Просто её записываю.

«Последний влюблённый» – отрывок 7

Высокий, черноволосый мужчина словно зверь, пойманный в клетку, метался по просторному помещению с гладкими, зеркальными, тёмными стенами. В глазах слёзы, взгляд безумный, лоб и одежда из блестящего материала вспотели. Странное ощущение, будто промокло и увлажнилось одеяние из листа тёмно-серебристого металла, да ещё и изгибающегося вокруг высокой, статной, мускулистой фигуры, следующее за каждым её движением. Женщина, внешне молодая, с короткой стрижкой, сидела, ссутулившись, пропустив руки между коленей в узких штанах.

– Ну, почему? Почему? – повторял мужчина в отчаянии. – Всего было 0,0000007% вероятности, что автопилот засбоит в лиалиновых лучах, а у брата откажет протез! Почему это случилось именно с моим братом и его женой?!

– Ошибки случаются, – глухо и хрипло отозвалась женщина, глаза её тоже были влажные, но потёков слёз на безупречном смуглом лице не было. – Рано или поздно они случаются. У нас или не у нас.

– Но наша техника... наша наука... весь этот грёбаный прогресс... какого шиаиссратрииис, они установили личную лабораторию с лиалином на пути следования общественных

катеров и птиц?!

– Так ведь вероятность технических сбоев 0,00000007%, – женщина криво усмехнулась.

Но, когда он обернулся к ней, её лицо окаменело от тоски.

– Проклятые недоучи!

Мужчина метнулся в дальний угол, туда, где в небольшом, огороженном помещении за прозрачными стенами на каменной плите, чуть приподнятой с одного краю, неподвижно лежал ребёнок. Чёрные волосы, чуть отливающие синевой в приглушённом свете лампы. Глаза серые, неподвижные. Он вроде и смотрит куда-то перед собой, но будто не видит ничего. Не слышит их голоса, не видит, как мечется кто-то за перегородкой, как мечутся тени от него и блики на его одежде. Хотя туда проникают звуки. Он и слышит их, и не слышит. Жуткое чувство, когда сколько ни кричи, сколько ни умоляй – ни докричатся.

И когда мужчина замер, приложившись ладонями к прозрачной, чуть серой перегородке напротив него, в лицо ему заглядывая, пытаясь нащупать его взгляд, мальчик никак не среагировал.

– Если Кри выживет, ему придётся пересаживать искусственные глаза и часть головного мозга. Наш робот-лекарь сказал, что операция, скорее всего, будет чревата осложнениями, но без неё Кри, вероятнее всего, не дотянет даже до следующего месяца. Даже молекулярное восстановление не полностью прошло успешно. Или, скорее, дело в его психи-

ческом состоянии? – женщина сцепила пальцы снизу живота. – Я боюсь, что даже Кри умрёт... но я так старалась!..

– Нет! – несчастный, оттолкнувшись от преграды, намного, впрочем, менее страшной, чем та, что возникла между его племянником и жизнью, снова пошёл бродить нервно туда-сюда по помещению. – То есть, операцию необходимо сделать... но его состояние меня беспокоит. Кристанран до сих пор не хочет приходить в сознание. Самое страшное, когда человек сам не хочет возвращаться.

Женщина опустила голову, не в силах смотреть на его боль, ещё больше сторбилась.

– Жаль мы тогда его не родили, – вдруг сказала она. Голос её дрожал и губы, пальцы тоже начали подрагивать. – Так бы сейчас они ровесниками были. И наш сын отвлёк бы его.

Супруг вдруг резко остановился, взглядом вцепился в её лицо, в её сцепленные руки, переплетённые пальцы. Женщина, не услышав шума от его движений и даже прерывистого, шумного дыхания, голову подняла, взглянула на него отчаянно. Испугалась, что и он сейчас притихнет так же, как и этот несчастный ребёнок.

– Но ведь экспедиция была тяжёлая! – выдохнула она – и по щекам её наконец-то потекли слёзы. – Ещё и этот плен. Но если бы!.. Если бы... – и скрючилась ещё больше, пряча лицо в ладонях. – Он бы мог быть живым. Я иногда очень жалею об этом.

Супруг пересёк пространство между ними – половину

просторного зала – и упал возле неё на колени. Ладонями голову её обхватил, осторожно вынудил голову поднять, выпрямиться. Она смотрела на него, несчастная, заплаканная, совсем не похожая на его привычную спутницу жизни.

– Милая, ты прелесть! – сказал он. Голос у него самого тоже дрожал, но глаза были счастливые и даже какие-то безумные.

Женщина напряглась, увидев выражение его глаз, внутри которых будто бы зажёгся огонь. Есть безумие, которое неизлечимо. Хотя и редко оно случается. Неужели, сегодня она потеряет и его?!

– Но что же теперь?! – выдохнула она с болью. – Наш сын уже мёртв!

– Сын? – мужчина удивлённо вскинул брови. – Ещё было слишком рано, чтобы судить.

– Мне... мне так казалось. Что это мог быть именно мальчик, – женщина всхлипнула и отвернулась, кусая губу.

Супруг нежно поцеловал её в затылок, в комок коротких, торчащих волос, медленно потянул к себе, чтобы снова посмотрела на него. Сказал глухо, но уверенно:

– Я нашёл решение. Наш сын заставит его очнуться.

– А разве... – голос её дрогнул. – Оно есть? Наш мальчик уже мёртв. Нового мы вряд ли успеем вырастить.

– Китрит 66-1, – произнёс мужчина и улыбнулся как безумный.

– Но... – она отпрянула. – Нет! Ты не можешь! Они от-

кажутся! Этот мальчик самый обычный. Разве они позволят ради него...

– Ничего, – сказал её супруг резко. – Они ничего не смогут сделать!

Несчастливая испуганно вцепилась в его рукав, словно могла помешать и остановить. Словно... нет, она только страстно хотела, чтобы больше ничего страшного не случилось. Сказала, плача:

– Но тебя накажут за использование лаборатории в своих целях!

– Ничего, – повторил он, будто не услышал.

Подскочил, ещё какое-то время метался туда-сюда, обдумывая. Потом присел на корточки рядом с нею, сжал её руки, нежно. Попросил с мольбой:

– Ты только устрой сбой в камерах слежения у взлётной полосы и в этом доме. И, совсем немного, в моей лаборатории в дарина. Я только одну вещь возьму...

– Ты куда собрался? – его жена испуганно вскочила.

– К хвостатым, – безумная улыбка-оскал исказила его лицо, делая каким-то пугающим.

– Но мы же... мы же едва смогли... – женщина запинаясь от ужаса. – Тогда... да ты спятил!

– За ними должок, – гадкая улыбка обезобразила лицо учёного, сделала его каким-то чужим и пугающим. – К тому же, одно из направлений их науки схоже с нашими технологиями, – сжал её руки покрепче, потом поднёс к губам. – Ты

только данные сотри в моей лаборатории в дарина и в нашем доме. Как бы технический сбой. А я найду способ поймать и очистить их научный космолёт и сделать кианина в их лаборатории.

– Тебя убьют! – супруга судорожно обняла его, прижимая к себе крепко-крепко. – Они могут тебя убить! Они ведь уже раз едва нас не убили!

– Пусть только попробуют! – кривая улыбка.

Мужчина покосился на распростёртое тело ребёнка, неподвижное и будто неживое.

– Подожди меня, Кристанран! Я вытащу тебя оттуда! Ты ещё слишком юн, чтобы умирать, – осторожно разжал пальцы своей напарницы и спутницы жизни, потом лицо её обхватил осторожно, надолго приник к губам в страстном поцелуе.

Маленькая вечность слабости и страсти. Маленькая вечность только для них двоих. Всего одно мгновение тишины. Тихий дымок над вершиной вулкана, ещё не до конца пробудившегося.

Поцеловал, погладил родные плечи, спину, бёдра. Приласкал щёки и волосы. И выскочил вон.

Женщина, дрожа, повела рукой в воздухе, растирая тонкий, широкий браслет из металла и эмали на левой руке. Возле неё появились две голограммы: горизонтальная с символами и цифрами и вертикальная – экран. Тонкие пальцы залетали по нижней, выбивая причудливую вязь узора

из символов-команд. Наконец, сплетя причудливый узор команд и стерев его своей ладонью, женщина обессилено опустилась на пол.

– Только бы он смог! – произнесла отчаянно, села, сгибая ноги и обнимая колени. – Только бы он вернулся живой!

Мужчина ворвался в зал, затканый по колено голубым туманом. На его требовательно протянутую руку из-под пола выехали длинные и короткие капсулы вроде стеклянных. Он с одной, руку просунув сквозь стекло, подобрал кольцо-серьгу, вставил в ухо, поморщившись, когда по мочке поползла кровавая струйка. И спешно вышел, проводя руку левую за собой, стирая мерцающим жёлтым лучом с пола кровавые следы. И свои следы.

Пилотный отсек маленького космолёта встретил его освещённым, как и взлётная полоса личного космодрома.

– Может, не стоит, Хритар? – чёрным шёлком рулон раскинулся возле кресла, в которое он опустился – и обернулся мерцающей голограммой жены. – Тут-то я тебя прикрою, но у Иных...

– Я доверяю тебе операцию на глазах и мозге Кристанрана, – к его требовательно вытянутой руке снизу стены-кабины выехала подставка с браслетами из камней и металлов, сплавов светлого и тёмного, наползающих друг на друга.

Хритар защёлкнул пару браслетов на запястьях, да пару

спрятал под рукавами на предплечьях. Помедлив, один браслет на левой ноге защёлкнул.

– У брата протез отказал, – грустно напомнила супруга-голограмма, следящая за ним.

Сняв сапог с правой ноги, мужчина тонкое кольцо надел на мизинец и, едва приметное, вроде волоса – на большом пальце. Обулся.

– Я сделаю, что умею, дорогая. И ты уж постарайся.

– Как я могу не стараться? – горькая усмешка на чуть фиолетовых, пухлых губах. – Хотя бы его сын должен жить!

– Выживут они оба! Прощай! – вслед за резким взмахом голограмма жены осыпалась пеплом.

– До встречи! – высветилось золотисто-огненными буквами на лобовом стекле.

Он, усмехнувшись, вызвал голограмму-панель.

В чёрной бездне космоса выделялась зловещим, зеленоватым отблеском одиночная звезда, находящаяся чуть поодаль от трёх ярких галактик и семи солнечных систем. Она медленно приближалась, становясь всё более ослепительной.

Хритар стоял в пилотном отсеке, сцепив руки за спиной, смотря на боковое, правое ки-стекло.

Пискнув, высветилась голубоватая панель со светящимися зелёными и золотыми точками. Не глядя, мужчина ткнул в крайнюю зелёную, ромбовидную. Прочертил полосу изогнутых знаков с острыми углами перед собой, между стек-

лом и своим низом живота.

Катер остановился. Ещё несколько секунд горел свет в опустевшем пилотном отсеке, но потом померк.

Подземелье было затянуто зелёноватым туманом, сверху стекали чёрные камни-клыки, по которым копошились какие-то мелкие, жёлтые, трёхлапые насекомые, снизу вверх устремлялись камни-клыки разной величины и толщины, серые и чёрные, красными грибами, будто разводами кровавыми затянутые.

Трое высоких ящериц на задних ногах, вооружённые посохами-кристаллами прошли мимо крайнего сероватого камня с чуть побледневшими алыми грибами.

– Шишпариосоомаишиисс мии...

««Ты уверен, что сюда кто-то телепортировался?» Понятно, засекли»

Человек в светящихся серебряных, обтягивающих одеждах появился на месте камня с чуть более блеклыми грибами в следующее мгновение.

Крайний из ящеров успел поднять посох... и разлетелся на кровавые комки на несколько мгновений позже своих спутников.

Хритар поднял кверху левую руку. Жёлтым светом заблестел браслет на ней. Жёлтым туманом затянулось всё вокруг.

Лаборатория, похожая на ту, где он забрал серьгу-ком-

пьютер. Как будто и не выходил. Хритар даже замер на несколько мгновений на пороге у разъехавшихся стен-дверей.

Застонал, приподнимаясь, маленький ящер.

Хритар вскинул левую руку, вокруг которой закрубился жёлтый туман. Преобразовывающийся в жёлтое пламя.

Взвыл, кидаясь в сторону, отпрыск Иных.

Человек шаг ступил.

Сын учёных, а то и ученик юный ящеров, провыл, заживо сторая в жёлтом пламени, почти дотянувшись до неподвижных тел кого-то из неподвижных взрослых, лежащих у растекающегося и сворачивающегося в воздухе над полом рулона как будто из тонкой ткани полупрозрачной.

«Нет, чуть зелёной»

За требовательною рукою ступившего вперёд человека свёрток превратился в панель-голограмму. Залетали пальцы правой руки учёного, выписывая фигуры из чётких, углообразных, холодных линий. От их света он морщился, щурился, но команды задавать продолжал.

Прошипели что-то позади.

Браслет на левом предплечье сквозь одежду блеснул.

Проорали, прорычали-проревели позади – и воздух вокруг заполнило разлетающимися кровавыми ошмётками. Хотя и цвета нечеловеческой крови.

– ШИПРААаспарассании миирииио шиаПРАААСИШИ-ИИ! – раздалось в зале, наполняющемся выползающими из-

под пола, стен и потолка пробирками.

«Ваш космолёт сбоит на линии радара города ПРАА, планеты АСИИ»

Шумно выдохнув, Хритар к стене левой повернулся – куску стены как будто обрезанной, выделяющейся на фоне остального, мягко изогнутого зала.

Стена вниз отъехала, обнажая пилотный отсек – без кресел, с туманными облачками зелёными под потолком – и стекло, за которым темнели космос и мерцали чужие звёзды и планеты, переливались чьи-то галактики вдалеке.

И голограмма ящерицеобразного самца в чёрном балахоне возникла под потолком, куда человек с кратким опозданием поднял голову, когда тот уже заговорил.

– Тю! Рарии...

«Чужак, ты посмел...»

Криво усмехнувшись, Хритар содрал серьгу, пробившую ухо. Поднял между большим и указательным пальцем на уровень своих глаз.

Ящерицеобразный невольно шархнулся.

– Рарии-о-рарии-ла-ни! – пропел человеческий учёный и подул на серьгу.

Серьга рассыпалась пеплом. Нет, истаяла мерцающей пылью.

В ужасе сжался ящер. Протянул было к человеку шестипалую, когтистую руку.

– Рарии ширарии ша и...

«Чужак, может, мы сумеем договорить...»

Словно нити серебряные блеснули в космосе за стеклом...

Словно звёзды метнулись опадающие в последнее своё мгновение на небе Тринани, когда они ещё с братом мальчишками сидели на опустевшем холме, смотря на небо над руинами Древнего города...

Хритар сердито головой мотнул, отгоняя виденье.

Для него только виденье.

Заорал, внезапно вроде палки вытянувшись, ящер на голограмме. Словно его насадили на раскалённые иглы.

«Да, может, так и было. Их кровь не выносит...»

Вспыхнуло за стеклом пилотной просторной кабины.

Когда человек резко обернулся, он увидел вдалеке распадающуюся на линии планету. Словно кто-то внезапно рассёк её миллионами длинных ножей на полоски. На нити. На волокна...

Нити серебряные некоторое время ещё вращались в темноте космического вакуума, но потом распались... разделились... растворились.

– И правда, – Хритар криво ухмыльнулся, – не любите вы рантари90оийских червей. – Какое счастье, что они так любят вас есть!

Лабораторию быстро затягивало выползающим из стен чёрным туманом.

– Резервное освещение! Тьфу! Шапраааоссс шиис аиссс!

– ШАшиоооррооошашииооо, – прозвучало безэмоционально с потолка.

Мужчина разгрыз левое запястье, взмахивая рукой. Кровь вытекшую разбрызгал.

Из крови в туман выкатывались крохотные, светящиеся, зелёные шарики.

Хритар страшно побелел. Воздух загрёб левой рукой. Рухнул. На одно только колено. Поморщился от хлынувшего из-под пола, ставшего прозрачным, ослепительного света. Правой рукой продолжая выписывать резко изогнутые, ослепительно светящиеся письмена в воздухе. Нет, чуть разлепив глаза, увидел, что по чёрному слою предосновы голограммы. Голограммы панели.

Левый глаз человека медленно заливало кровью лопнувших сосудов. Радужка левого глаза, мигнув, потускнела. Стала чёрной. Стала белой.

Полуослепнув, Хритар продолжал выводить резко изогнутые, ослепительно сиявшие письмена, потом обоими руками заплетая их в узоры.

«Похожие на птиц!»

Но в миг следующий, от боли заорав, зажмурился.

Чёрные рулоны предоснов полились изо всех щелей, сплетаясь в центре зала, близ сердца Хритара, в некое подобие клубящейся, дымящейся фигуры.

Когтями отросшими Хритар вспорол себе живот, извле-

кая кристалл причудливой формы. Золотисто-жёлтый кристалл неправильной, несимметричной формы, кое-где белый, кое-где золотистый, со странными завихрениями внутри... ставшими в подобии облепившего основание камня подобием бронзового металла. Руды... светом вспыхнувшего сиреневым... замерцавшего всполохами радуги...

Хритар морщился, щурился, пытаясь ровно стоять. Команды отдавать на чужом языке.

Тело медленно зарастало.

Чуть шевельнулись две ящерообразных фигуры в стороне. Большой ящер и маленький.

Маленький когтём что-то показал в сторону человека. Большой только скрестил средний и второй пальцы на левой руке. И снова беззвучно опустился лежать словно издохший. Серdito глазами в сторону чужого учёного сверкнув, мелкий снова принял прежнюю позу.

Хритар уже набирал команды наощупь, не видя. С уголков слипшихся век тянулись кровавые струи. Только-только затянулась рана на животе. Упала капля крови с руки, впитавшись в ставший прозрачным пол.

Серо-чёрный туман напротив человека принял подобие человеческой формы. Худенького мальчика. Полностью обнажённого. Тело слегка лишь скрывали пряди длинных, чёрных волос с синеватым отливом.

– Сколько нитей нарушено и порвано. Дикая Природа так этого не оста...

– Что?! – Хритар резко развернулся, разлепляя с трудом глаза.

По щекам потекли густые, кровавые потоки из полуразъеденных глаз.

Пустота.

Зал почти весь овальной формы.

Пустая кабина пилотов.

Ползущий по самому полу жёлтый туман слегка размывает у пола тела трупов Иных разумных существ.

– Я создал? – человек поморщился, покосившись на ползущий жёлтый туман у его ног.

Застонав, глаза закрыл ладонью.

Полыхнуло по всему залу, разлетелись горячие, красные иглы.

Заорав, Хритар шарахнулся.

Иглы, мерцающая, сплетались в кровавые узоры. Письмена команд.

Сияющие тускло-кровавые символы чужого языка окружили спящего ребёнка.

– Кажется, пора?.. – Хритар, с трудом разлепив глаза, протянул к фигуре спящего, свернувшись калачиком, обнажённого ребёнка, кристалл странной формы. – Пора вживлять артэа.

Свет ядовито-зелёный затопил всё. Нет, туман.

Мечущийся по залу человек не сразу смог разлепить глаза. Почти уже целые. О ране во внутренностях, в которых

он прятал драгоценную добычу, напоминала только кровь на прорезанной одежде.

Мальчик, обхвативший колени, голову поднял.

Туман из лаборатории исчез, будто впитался в стены.

Мальчик напротив Хритара открыл глаза.

Мужчина застыл.

Долгое время они смотрели в глаза друг другу.

– Почти как он, – усмехнулся внезапно человек.

Мальчик недоумённо голову набок склонил, разглядывая его.

– Только глаза почему-то синие? – поморщился учёный из иной системы.

Руку протянул, вызывая голограмму... нет, предоснову голограммы приборной панели.

– Разведчики из той же системы, что и хозяева этой лаборатории, пытаются нащупать её новое местоположение радаром... отец.

Первое мальчик проговорил безэмоционально, но на последнем слове как-то странно прищурился, вглядываясь как будто куда-то внутрь Хритара.

«Странное чувство, будто я стою в лиаррийских лучах, напротив...»

– Так ты за них или за нас, мой создатель? – мальчик медленно разогнулся, ноги спустил с замерцавшей под ним подставки.

– Ты точно Китрит 66-1? Мой Китрит 66-1? – мужчина

прищурился.

– Ты разве не для того мальчика меня сотворил? Мой аини... он... – мальчишка на пол прыгнул, резко оборачиваясь.

Тело обнажённое покрылось одеждой. Будто закуталось в серебряные, обтягивающие рубаху и штаны, рукою он замотал плечи в плотный, серый плащ с капюшоном.

– Сюда приближается боевой корабль Иных. Они взломали вашего ритона в защитной системе.

Шумно выдохнув, Хритар сжал кулаки. Вокруг левой руки заструился голубоватый луч.

Нет, резко обернувшись, он сжал ворот подошедшего к нему беззвучно мальчика.

Под светом, хлынувшим из правого глаза учёного, мальчишка застыл. Нет, извернулся, крича от боли.

– Человек, – Хритар усмехнулся, разжимая руку.

Мальчишка упал у его ног. На колени. Нет, приземлился только на одно колено, ладонями успев упереться в прозрачный пол и падение смягчив.

– Почти! – хмыкнул мужчина.

– А разве вы не сказали, что я – кианин? Хианриа вашего сына? – мальчик резко обернулся. – Они идут! Они телепортировались в грузовой отсек!

– Бежим! – скомандовал Хритар.

Но через десяток шагов стена, к которой они бежали, разъехалась. Рассыпалась зелёноватой пылью.

Семеро ящерообразных, чьи тела были затянуты во что-то подобное дымчатой одежды, возникли. С посохами. И с бластерами в руках и конце хвоста один.

Хритар поднял левую руку.

Но ящеры, шипя, распались на ровные куски. Кубиками рассыпались по полу, под растерянным взглядом Хритара.

– Я ведь должен защищать дядю моего аини? – повернулся к нему с серьёзным лицом мальчик. – Или я создан только быть вечным спутником моего аини Кристанрана? Где, кстати, он находится?

– Быстро учишься! – хмыкнул Хритар. – Пойдём!

– Никуда ты не уйдёшь, паскуда!

Стены распались на обломки.

Ящероподобные твари, раз в шесть покрупнее предыдущих, окружили зал, лишившийся стен, в несколько рядов.

Нет, пол стеклянный взорвался осколками, пропуская мечи и лучи...

Извернувшись и тело мальчишки-кианина за собой увлекая, Хритар взлетел в воздух. Перекружился, пряча своё творение от ослепительных красных лучей. Поморщился, когда ему лучом отсекли часть правого уха. Успел пальцы сжать на плече мальчишки.

И двое людей на глазах ящерообразных воинов рассыпались пылью.

Прошло несколько недель, супруга Хритара осунулась от волнений, да пробились меж её светлых волос две пряди седины. Она не пыталась ни закрасить их, ни восстановить волосы. Могла, но... не хотела. Ведь боль бывает такой, которую уже никогда не забыть. Душа когда-нибудь стареет. Тело просто верно следует за нею.

А мальчик лежал на операционном столе так же равнодушно и неподвижно, будто пролетело только мгновение.

Он смотрел куда-то перед собой. Но не видел ни прозрачной ограды, ни большого помещения за ней, с более тусклым светом, чем вокруг него. Не видел заплаканную женщину, которая часто приходила и вставала напротив него.

Даже пересаженные синие глаза смотрели куда-то в пространство будто мёртвые.

Иногда он прикрывал глаза, и перед его внутренним взором снова мелькали картины...

Редкие встречи с родителями-учёными, ещё более редкие игры с отцом, мать, которой было обычно не до него...

Редкие встречи с ровесниками...

Роботы, с которыми он пытался играть...

Его кролик, живой кролик...

Кристанран долго слал голограммы то отцу, то матери, чтобы разрешили ему взять какое-нибудь живое существо и держать у него дома. Обещал, что будет заботиться о нём,

что будет его выгуливать, что посадит большой сад сам для него на этаже-кладовой.

Много-много ушло голограмм по другим планетам и станциям, где пребывали родители, вместе или по отдельности.

Но наконец отец позволил. И самолично привёз домой белый, пушистый комок с длинными ушами. Сам тогда залюбовался счастливыми глазами сына.

Два года мальчик и кролик были неразлучны. Но кролик зачах от жизни в неволе. Даже сад, вполне большой сад, семнадцать на семнадцать детских шагов, который хозяин посадил для него, не спас живое существо, затосковавшее взаперти и в одиночестве. А пару ему заводить отец с матерью запретили, мол, слишком много возни будет.

Так или иначе, но однажды в полдень кролик заснул спокойным сном. Но даже на следующий день не проснулся. Даже когда испуганный мальчик тряс его и рыдал. Как ни кричал. Роботы-прислужники, оставленные следить за ним и за хозяйством, спешно отправили послание родителями, мол, состояние вашего сына критическое. Как бы чего не случилось плохого.

Первой прибыла мать. Часа через три, задействовав один из новомодных порталов, да ещё и находящийся под присмотром чужой цивилизации, не слишком дружелюбно относящейся с цивилизацией людей. Как ей удалось пробиться, люди – те, кому ещё не изжить было привычку много болтать о других – спорили долго.

Через два дня прибыл отец. Тот забрал пушистый белый комок, начавший уже попахивать – и унёс. Сын плакал, вырвался, роботы его держали по приказу старших хозяев.

Пушистый комок распался на атомы в очистителе. Вместе с мусором. Будто бы мусор. Пушистого друга не стало.

Мальчик плакал недели две. Но нового кролика ему завести не разрешили – уж слишком сильно реагировал на расставание с этим.

Ему виделись новые встречи с родителями... старые...

А иногда виделось, как они втроем садятся в железную птицу и взлетают. Они поехали путешествовать вместе. Вместе! На другую планету! Хотя и самую ближайшую.

Кристанран прижимался лбом к ки-стеклу иллюминатора, разглядывая пейзаж родной планеты, как она отдаляется, как становится маленькой...

Иногда вместе с чувством восторга от полёта и редких мгновений единения с близкими, к любопытству перед предстоящим путешествием, большим путешествием, примешивалось чувство ужаса или саднящее какое-то чувство тревоги...

Женщина приходила к лечебному отсеку. Вглядываясь в лицо неподвижного племянника. Бледное, будто неживое.

Смахивала слёзы украдкой. Иногда долго стояла, смотрела, иногда быстро уходила, не выдерживая.

Сердце ей резала мысль, что супруга брата её мужа хотя бы смогла пожить несколько лет со своим сыном. Ну, как вместе? Она часто пропадала в экспедициях и исследованиях. Но у той хотя бы была возможность видеть лицо своего сына. А вот у неё... не было. Сама же и виновата. Не успела остановить...

Это, конечно, жестоко, завидовать судьбе погибших. Но их уже нет. А их сын остался живой. Он может выжить. Вроде бы может. А она своего сына никогда уже не увидит...

Кристанран застрял в беспамятстве. Где-то далеко отсюда.

Иногда он видел прошлое. Картины в целом хорошие. Его лицо разглаживалось, на губах появлялась улыбка.

Иногда его что-то тревожило. Он хмурился. Тонкие пальцы сжимались в кулаки. Тело ещё не полностью потеряло связь с душой. Но надолго ли?..

Иногда слышался будто бы страшный скрежет откуда-то слева, вскрик женский, запах крови. И... и больше ничего. Сознание старательно вытесняло ужасные картины сминающихся крыльев железной птицы, искорёженное лицо матери... боль... боли было много, так как поднялись они достаточно высоко, прежде чем упасть вниз...

Но тревога... она никак не стиралась. Она преследова-

ла усталую душу, она терзала едва сохранившуюся психику, она не давала сердцу покоя...

И тело спало. Уже не первый месяц спало. Душа не хотела просыпаться. Как будто чувствовала, что родителей в жизни уже не будет. А может и знала?.. Может, успела что-то понять ещё во время падения?..

Женщина приходила, смотрела на него и уходила. Нет, всё-таки, ей было отчаянно жаль его, до боли. И она мечтала, что однажды племянник очнётся. Что он ей вместо сына будет. А, может, она и сама когда-нибудь решится родить?..

Она врала в дарина, будто они с мужем пытаются опять зачать ребёнка, сына, потому и бессовестно отсутствуют на разработках и совещаниях, камеры вот повыключали. Ей вроде бы поверили, даже прислали пару схем усиленных генов, которые могли бы пригодиться ему и ей, но...

Но сводки новостей межгалактической паутины о каких-то ускоряющихся и разрастающихся стычках между Системой 0075, Сари и Тринани заставляли сердце женщины мучительно сжиматься.

«Вернись, Хритар! – молила она по ночам, сжавшись под толстым и лёгким одеялом. – Вернись хотя бы ты один! Мне больше и не нужно ничего!»

И в один из дней уснула слишком крепко, даже не навестив лекарский отсек. Где по-прежнему неподвижно лежал

и равнодушно смотрел куда-то над собой мальчик с синими глазами. Чужой сын.

Кристанран вскоре после уничтожения кролика сидел один в музее у Древнего озера, смотрел тоскливо на огромное, звёздное небо над руинами каменных и даже деревянных, в лёд вмороженных, чтоб сохранить, руинами старых городов. Точнее, ему казалось, что он смотрит на звёздное небо.

– Даже звёзды здесь ненастоящие! – мальчик вздохнул.

Подтянул колени к подбородку, обнимая правой рукой.левой обломки ледяной крошки сердито ногтями оттолкнул. Смотрел отсутствующе, как улетают осколки, как катятся, скрипя, по древнему, толстому льду.

Застыл растерянно, услышав, как те останавливаются.

«Они остановились недалеко?»

Что-то за спиной его сдвинулось.

Сердце сжалось, от ощущения чьего-то присутствия. Чтоб сразу же забиться неровно, быстро... слишком быстро...

Кристанран вскочил, обернулся. Взметнулись по ветру длинные, чёрные волосы с синим отливом.

На блестящем льду он увидел Его.

– Ты почти как я! – глаза его расширились. – Но почему у тебя глаза синие, а не серые?

– Так получилось, – глухо сказал незнакомец, делая шаг к нему.

Кристанран невольно улыбнулся. Ступил к нему навстречу.

Ветер, летающий над Древним озером, взметнул и швырнул ему в лицо кончики длинных волос.

А когда мальчик проморгался и обернулся...

На льду огромного Древнего озера он стоял один.

Тускло и как-то даже равнодушно светило над озером, горами и руинами древних городов искусственное солнце.

Заплакав, Кристанран сел, где стоял. Подтянул к себе колени, уткнулся в них лицом, прячась от мира.

Хотя прятать от равнодушного мира слёзы смысла никакого нету.

На сверкавшем в тусклых лучах льду сидел одинокий, худой мальчик с серыми глазами и длинными волосами чёрными, отливающими слегка синевой.

Горы молчали. Навеки молчали руины прежних городов.

По просторному залу музея метался только ветер. Да упали, заглушались в свистящих порывах и поднимающейся, клубящейся ледяной и снежной крошке чьи-то отчаянные, затихающие всхлипы...

Учёный вернулся ночью, когда его жена спала и улыбалась во сне.

Рядом с ним шёл кто-то худой и невысокий, кутающийся в тонкое одеяло с кистями, сшитое из странного какого-то материала, будто чешуйчатого, покрытого поверх некоторых

чешуек и на стыке их причудливой сеткой узора и чужих письмён.

– Чуть отдохнём, – сказал странник.

И свалился в кресло домашней лаборатории. Как был, в запачканной, местами изорванной одежде, с окровавленным лицом и грудью расцарапанной, со спёкшейся кровью поверх ран.

Сказал лишь:

– Стой здесь, – и тут же провалился в сон.

Его спутник какое-то время стоял рядом. Тихо. Молча.

Ночное светило медленно ползло по небу, встречая своего собрата, более мелкого и более серого...

Одеяло сползло, тихо шурша и поскрипывая, когда свалилось на пол. Мальчик, скрывавшийся под ним, осторожно ступил в сторону. Огляделся. В лаборатории включилась лишь одна лампа, при входе, когда они вошли. Тот мелкий, серый, освещающий кристалл. Но, хотя пришедший никогда не видел таких, он рассматривал его недолго. Чуть погодя, сделал робкий шаг в сторону. И ещё один. Чуть погодя ещё один.

Он передвигался беззвучно. И вышел в коридор незамеченный.

Заслышав тихое шуршание приближающихся роботов, подпрыгнул, прижимаясь ладонями к потолку. И так и про-

висел там, прилипнув кожей рук к светлой, шероховатой поверхности, пока оба робота – уборщик и повар – прошли снизу, на некотором расстоянии друг от друга. Не оставляя на поверхности следа.

Новоприбывший сколько-то вглядывался в темноту – он хорошо в ней видел, чётко – и вслушивался. Убедившись, что роботы хозяина жилища ушли, отлепил ладони. И приземлился, ловко и бесшумно, не смотря на высоту в три человеческих роста. Если считать взрослых, здоровых мужчин.

Какое-то время мальчик шёл в одном направлении. Потом почему-то остановился. Замер недоумённо. И вдруг пошёл в другом направлении. На лице его застыло озадаченное выражение, но ноги шли туда, в левый коридоре... в третий коридор. И будто его туда магнитом притягивало!

Наконец он добрёл до большого помещения, погружённого в темноту. Вроде прихожей. Или, хм, склад запасной у хозяев? Но почему-то его никто не охранял. Светился чуть сбоку от второй половины куба ристекла лечебного отсека. Там, на операционном столе, лежал мальчик, неподвижно смотревший куда-то перед собой.

Мальчик...

Спутник учёного недоумённо приблизился, рассматривая неподвижное тело.

Если не считать бледной, слишком бледной кожи, да различной одежды, они... они были похожи! Худые. Длинные, тёмные волосы. А, нет, у того тоже чёрные. Просто структу-

ру как-то странно восстановили. Штаны свободные и одежда до колен с длинными рукавами. Вязь ниток нарушена. Будто их сильно повредили, а потом восстанавливали из молекул.

Новый мальчик застыл перед вторым, таким похожим. Наконец у него вспыхнуло осознание, кто тот и ради чего они в этот дом пришли.

– Мой аини, – сказал он едва слышно.

Но почему-то было странное чувство внутри, будто всё не так было. Всё было как-то по-другому. Но нет, хозяин объяснил, что Кри Та Ран – кианин, хианриа некого Кристанрана. И что будет притворяться его братом, сыном брата его отца. А раз этот мальчик так похож на него, да ещё и в доме, куда его создатель так спешил, то, наверно он и есть тот самый мальчик, единственный ребёнок брата его создателя, единственный выживший из всей семьи учёных после падения их железной птицы.

«Хотя, если быть точнее – согласно базе энциклопедий – это давным-давно птиц пытались делать железными, и они тогда плохо летали, слишком тяжёлые, громоздкие. Потом их стали делать из другого материала, сплава металлов и тикамней, но старое название прижилось. Прижилось... что это за слово? А, так привыкли называть этот летательный аппарат люди – и оно осталось»

Но почему-то хианриа не мог отделаться от беспокойства. Будто что-то во всей этой ситуации было неправильным. Хотя вроде ему всё чётко объяснили в первые дни пробуждения

и по дороге сюда. Создатель-человек много говорил, что Кри Та Ран обязан делать. Он даже повторялся много раз.

Но что-то было во всём этом неправильное... что? Нет, всё логично: создатель мечтал спасти сына своего брата, последнего живого человека из его семьи. Мечтал отвлечь его якобы спасённым младшим братом. Но... что же во всём этом было неправильным?! Люди стараются защищать то, что им дорого. Вот только... это странное ощущение...

Кианин положил руку себе на грудь, вслушиваясь в биевание сердца. Спокойное. Потёр по руке, проявляя браслет-компьютер. Протестировал состояние своего организма, беззвучно, без подсветки. Все показания были в норме. Тело почти уже восстановилось после долгого перелёта и прохода через сеть порталов, местами созданных чужими цивилизациями, по чужим технологиям. Местами восстановилось даже после стычки с пиратами, которые хотели размазать кианина и его создателя атомами по ближайшей вселенной, а оборудование из их корабля забрать себе. Восстановилась после всех боёв с Иными Системы 0075, которые так не хотели Хритара и Кри Та Рана отпускать, разгромивших их лабораторию на научном космолёте.

Что это?.. Это то, что называется чувство? Да нет же, кианины не испытывают чувств. Кианины только притворяются. И он будет притворяться, старательно притворяться ради этого мальчика, который дорог его создателю. Ради нового своего хозяина, который станет ему дороже, чем самый пер-

вый. Да и должна быть какая-то особая связь между хианриа и аини. Вот только... это странное чувство внутри...

Он смотрел на своего аини и совсем не понимал себя.

Часа через два открыл проход в ри-стекле, ступил внутрь. Почему-то потянулся рукой ко лбу лежащего.

Вспышка. Яркая, ослепительная. Мучительная? Нет, приятная. Хотя вроде бы новых источников света в обоих помещениях не возникло. Это... это та самая связь между аини и хианриа?..

Но его аини лежал неподвижно. Ему не было дела ни до чего. И кианин вдруг уловил какие-то колебания внутри его организма. Будто волновался. Так ведут себя люди, когда волнуются. Кажется, именно так.

Но аини лежал неподвижно. И от этого гадко как-то было внутри.

– Очнись, – попросил кианин вдруг. – Ты должен прийти в себя, Кристанран!

Глаза лежащего вдруг распахнулись. Кианин сдвинулся, подставляясь его взгляду.

Глаза человека расширились.

– Зеркало? – сказал он едва слышно.

Протянул руку, ощупывая лицо стоявшего рядом.

– Тёплое, – сказал. – Странно.

И опять потерял сознание.

И вроде тело кианина уже восстановилось, но что-то было не в порядке. Будто бы он волновался. Так люди волнуются.

Особенно, если близкие их не в порядке. Но они вроде бы близкими не были?.. Он же только притворяется?..

Кри Та Ран осторожно и неощутимо, рассчитывая нажатие, коснулся лба человека, потерявшего сознание. Потом покосился на камень-стол под ним.

И со стоном упал на пол, задыхаясь, скрючившись.

И снова тихие будни

– Саша, к тебе подруга! – мамин голос вырвал меня из объятий очередной истории.

Поначалу даже обиделась, что та пришла. Оборвала на интересном месте, а мне так хотелось узнать, как же будут общаться между собой мальчик-человек и мальчик-кианин! Потом вспомнила про странную сцену во время дождя. И уже добровольно погналась от муз своих к подруге. Тем более, что часть порыва вдохновения уже успела потратить.

Лера пришла печально-задумчивая. Уже в джинсах и светлой кофте – платье промокшее сняла. Шаль с собой не принесла. Видимо, домой уже забежать успела, переодеться.

Я посмотрела в окно.

В окно на меня смотрело утро. Упс, уже суббота, что ли?

Вздыхнув, глаза растёрла. Будто песком просыпали. И тело совсем затёкшее. Кошет-то ноги как, блин! Да, похоже на ночь творческого запоя, после которой начинается после творческое похмелье художника.

Поморщившись, потянулась. Ноги потёрла.

Ладно, я хотя бы попутешествовала за ночь по разным галактикам со своими героями! Кровь застывала в жилах, когда Хритар и его как бы племянник, «чудом спасённый и найденный у Иных спустя много лет», пытались прорваться домой, обратно к людям.

Подруга как будто не заметила моей возни и на мою невыспавшуюся физиономию не обратила никакого внимания. Смотрела устало куда-то в окно. Даже чай, которым нас угощала мама, пила медленно и будто бы неохотно. И к сладостям почти не притронулась, хотя нынче у нас на столе были роскошные конфеты с кокосовой стружкой и миндалём. Прямо заинтриговала. Но, может, при маме стесняется начинать разговор? И тот её забег за прекрасным принцем, ну, случайным охотником на зонты, окончился неудачно. То ли не догнала, то ли тот не хотел дальше с нею говорить.

– Прогуляемся? – спросила подруга тихо.

Я посмотрела в окно. Дождь уже закончился. Дождь давно уже закончился. Хотя солнце так и не показалось, не залило золотом облаков и стен пятиэтажек за нашим домом. В раскрытую форточку веяло прохладой. Мама, заметив мой взгляд, поднялась, чтобы закрыть.

– Простите, забыла, – сказала смущённо.

А Лера с мольбой посмотрела на меня. Выговориться хочет. Ну, ладно. С кем ещё ей болтать?

Я сбегала, переделась в уличную юбку и кофту, свитер накинула, куртку прихватила, перекинув через плечо, для большего утепления, если понадобится. Когда вышла, Лера уже одевалась. На локте у неё висел фиалковый зонт с тонкой чёрной каймой по краям. А где тот яркий? Почему она пришла без него? Или там вчера была не она?

Мама, стоя в прихожей, внимательно на нас смотрела. По-

этому я Леру не расспрашивала. Обула туфли. Свой зелёный зонтик прихватила с вешалки. Сухой. А то мало ли?..

Мы молча спустились по лестнице. Из подъезда вышли. Уже от моего корпуса отошли далеко, где мама бы нас точно не расслышала. Но подруга всё ещё молчала. Непривычно задумчивая. Так мы и прошли мимо корпусов до аллеи.

Так мы шлялись по нашему району полдня. Без слов. Подруга моя болтливая была настолько притихшей, что я что-либо спрашивать у неё не решилась. Так и ходила за нею везде тенью молчаливой. А она на какое-то время даже забыла о моём присутствии.

Да что это с Леркой такое?!

Но она молчала, будто до сих пор не отошедшая от каких-то новостей и потрясений. И я спрашивать не решилась.

Может, умер из родственников кто? Любовь встретила какую-то первую, древнюю, а он мимо прошёл?..

Я терялась в догадках, но молча следовала за ней.

Спустя сколько-то часов, она невольно побрела в сторону нашего микрорайона. И я опять последовала за ней.

Уже близ нашей улицы, смотря на стволы лип да редкие мазки берёз, видневшиеся из-за домов, девушка встрепенулась.

– Пойдём к Лию?

– Пойдём, – улыбнулась. – Только надо бы что-нибудь купить, чтоб перекусить. А то вдруг он опять не додумался?

– Надо бы, – сказала Лера без особого энтузиазма.

И мы забежали в ближайший магазин за пельменями. Благо, у меня завелось немного денег после похода в магазин: сегодня бабушка не настаивала ей сдачу вернуть. Подумав, купили ещё связку банан. На срочный перекус. А то вдруг родителей Виталика нынче нету дома? А он опять надолго прилипнет к монитору и клавиатуре? Тогда ему точно будет не до пельменей. Мы ему банан под руку подложим. Не дело, если наш лучший друг загнётся от голода, разумом застряв в очередном виртуальном мире.

Вообще, это у нас был такой вид развлечения. Уже не первый год. Мы приходили к Виталию с едой. Торжественно его кормили. Или приходили без еды, но стряпали из того, что ещё жило у него в недрах холодильника. Сидели все вместе. Парень порою с очень большим аппетитом был, если у него был выходной, а он засиделся за своими железяками любимыми. Ну, а мы с Лерой обычно просто чай пили. Хотя, бывало, и сами ели. Он нас, разумеется, за переводение продуктов не упрекал. А потом, перекусив и обсудив все срочные новости, мы шли в его комнату. Где он садился в крутящееся кресло за компьютером, а мы устраивались на его диванчике за ним. Парень ещё его и двигал каждый раз для нас, чтоб нам лучше просмотр был. После Лий запускал какую-нибудь компьютерную игру, в которой поднаторел уже – и шёл вперёд, бить монстров или кто ему ещё там подвернётся. А мы с Лерой сидели у него за спиной и смотрели.

Нам-то с нею компьютерные игры не зашли. У нас с нею были свои любимые ходы в искусственные миры, у каждой свой. Тем более, нас обоих бесило, когда в прошлом играть садились, а нас почти за первым же поворотом дороги монстры какие-нибудь съедали. Или вот то мерзкое чувство, когда ты нервно отмахиваешься от набегающих зараз или заразы одной большой, боясь, что не успеваешь отмахаться, когда показатели падают, экран начинает мигать. Ты боишься, что всё, конец, ты загнёшься сейчас. И, блин, действительно вскоре загибаешься. Делаешь ещё несколько заходов, если успел сохраниться, но реально дальше не идёт. А вот Лий у нас был смелый и натренированный.

Короче, он играл, а мы – смотрели.

Немного напоминало, будто нам открывался портал в иные миры. Или возможность иной жизнью пожить, в другой реальности. Ибо игрушки парень выбирал красивые. Пейзажи были красивые. И на них можно было спокойно любоваться, сидя за чьей-то сильной спиной. Иногда диковинные пейзажи и замки заслоняли чьи-то страшные морды, но в большинстве случаев эти морды быстро заканчивались – и Лий уверенно шёл вперёд – и мы снова следили за пейзажами других миров. Нет, иногда он махался с попадающимися тварями и воинами своей и иных рас долго, и мы начинали уже за ним волноваться. Но всё-таки сидеть за его спиной было в разы спокойнее. А он явно кайфовал, что за его успехами смотрят.

А я ещё в этих походах за дружеской спиной порою черпала вдохновение для моих фэнтезийных романов. Вон как будто оказалась в другом мире. Какие там здания, какие пейзажи...

Иногда мы вскрикивали и как-то комментировали.

Например, Лий прокомментировал снятый с кого-то шлем:

– Добавляет 50 баллов к очарованию.

Лера с ухмылкой проворчала:

– Потому что не видно, что за рожа под ним скрыта.

Парень смеялся. И мы тоже.

Иногда наш доблестный воин ругался, не сумев завалить очередного здоровенного монстряка. Иногда матюгался. Мы деликатно делали вид, будто не расслышали.

В общем, сегодня мы направились к приятелю, рассчитывая на всё это. Да и Лера по-прежнему молчала, не желая разговаривать. И мне приходилось молчать, хотя я успела увидеть часть случившегося, возможно, часть тех самых событий, из-за которых моя подруга была так расстроена нынче. Или всё же то случилось не с ней?

Было не слишком поздно, можно зависнуть у друга на пару-тройку часов. Да хоть до ночи досидеть, просто в компании близких людей. Может, тогда Лера хоть оживёт? А потом он, наверное, каждую до дома доведёт. Он обычно провожать нас выходил. Поэтому мы пошли.

Парень в этот раз как-то уж очень долго не выходил на звонок.

– Может, в наушниках сидит и не слышит? – Лера достала мобильник.

Мобильник-то у него всегда на столе возле руки лежал. На случай, если начальник позвонит. И для нас. Мы были его единственными друзьями. Ну, если не считать той оравы на форумах разных игр, да в чатах онлайн-игр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.